

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Ячмень

Новогодние игрушки

Виталий Иванович Ячмень

Новогодние украшения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49575082

SelfPub; 2020

Аннотация

Существует легенда, что каждый, что каждый, кто сфотографируется под дубом висельника, обязательно умрёт. Может, и не только сфотографируется, а даже просто посетит это проклятое место, расположенное в одной из деревень Харьковской области. Миша отговаривал свою невесту от фотосессии, но девушка, которая жить не может без мистических историй, настояла на своём. Теперь у них есть сотня красивых снимков и звук чётков, предрекающих скорую расплату за необдуманный поступок. Потому что «...нет спасения для пришедших на алтарь. Их души пойдут в пищу Дьяволу, а тела на корм червям. И память о них развеет ветер...» Содержит нецензурную брань.

Новогодние игрушки

1

Лена давно упрашивала поехать с ней к дубу, а тут, вместо дорогого телефона, на День Рождения заказала в подарок фотосессию. Разве можно отказать будущей жене? Я назвал её «будущей женой»? Ну, в этом нет ничего странного, учитывая, что мы уже три года вместе, два из которых живём на съёмной квартире. Моей зарплаты программиста хватает и на оплату аренды, и на вкусности с кинотеатрами. Лена заканчивает последний курс и собирается стать «великим архитектором». Именно так, по-другому она никогда себя не называла. Её мама, Виолетта Павловна, высокая блондинка с красивой фигурой, назвала меня пару раз зятем, так что, считаю благословение лежащим у себя в кармане. Правда, отец, Пётр Сергеевич, бывший военный, а сейчас начальник охраны в одном из супермаркетов, все эти годы смотрел на меня, как на потенциального вора продуктов во вверенном ему магазине. Лена всегда смеётся, когда я высказываю мнение о его взгляде, отчего её курносый носик постоянно лезет вверх. В такие моменты её лицо мне кажется ещё более милым, чем оно есть на самом деле. Вы видели детей в возрасте

десяти-одиннадцати лет? Конечно, видели, у меня и сомнений нет по этому поводу. Так вот, её лицо так и осталось детским, и временами на нём проскакивает озорливость, оставшаяся от не доигранных игр. Наша разница в пять лет не имеет для неё никакого значения, хотя, некоторые её подруги называют меня «старым». Мне кажется, что это всё от зависти – мало кто из них может похвастаться парнем, к тому же сумевшим свозить их в Испанию среди летних каникул, несмотря на такое нелёгкое для страны время.

В общем, как нетрудно догадаться, на жизнь я не жалуясь. Детство было нелёгким, но сейчас всё «пучком». Я полный сирота с одиннадцати лет, и, вспоминая о смерти родителей, стараюсь считать, что это первое серьёзное испытание в моей жизни... и оно меня закалило крепче, чем самая жаркая печь кузнеца.

Лена любит фотографироваться. Я ей купил дорогой телефон и сейчас, как посторонний зритель, наблюдаю за её обновлениями в социальных сетях. Помню, как она упросила меня посетить контактный зоопарк. Скажу вам честно, судьбе зверушек, вынужденных терпеть по несколько снимков, пока не получится идеальный, я не завидую. А нашу поездку на море я буду вспоминать и на смертном одре... Да и как иначе, если, фотографируя свою любимую, я обгорел настолько, что меня пришлось вечером мазать специальными мазями, а оставшуюся часть отпуска я провёл в гостиничном номере.

Нет, скорее всего, вы меня неправильно поймёте. Я живу со всеми этими привычками любимой, и мне это нравится! Любовь... и тут добавить больше нечего.

Да, на этот день рождения Лена заказала фотосессию – странную, но такую желанную! Дело в том, что моя невеста очень любит фильмы ужасов. Если быть точным, то не только фильмы, но и книги, а также всё, что связано с мистикой. Вы знаете девушек, которые будут рады книге? Я знаю и даже знаю тематику этих книг! В комнате Лены стоит книжный шкаф, полностью заваленный мастерами её любимого жанра, и я очень рад, что эта комната находится в квартире её родителей.

Двадцать второй год Лена решила отметить с семьёй. Кто-то из её подруг, сказал, что это прошлый век, но я только улыбнулся: мне начало казаться, что Лена входит в состояние семейной женщины. Самым главным здесь было то, что делала она это «мозгами», полностью осознавая свои решения.

«Женюсь!» – с лёгким смехом в звенящей от любви голове прокричало моё сознание. Я решил с ним не спорить, полностью поддержав ликующую душу.

Всякий раз я спрашиваю людей, что они хотят себе на подарок. Как-то так случилось, что, вручив несколько раз знакомым непонятные безделушки, я решил, что сам таких подарков не захотел бы. Только один из именинников, рассматривая статуэтку коня, поднял томный взгляд и похлопал меня

по плечу. Можно было ничего не говорить – тут и так всё было ясно.

Лена долго не признавалась, что хочет на подарок. В очередной вечер, когда я уже отчаялся добиться какого-либо ответа, она, укрывшись под тёплым одеялом от зимних холодов, тихонько проронила:

– Фотосессия у дуба висельника...

Фраза прозвучала спокойно и очень обыденно. За месяц до этого разговора, я уже спрашивал у неё про это место.

За полтора месяца до своего дня рождения Лена, начитавшись очередных форумов с мистическим содержанием, с упоением рассказывала мне новую историю, вызывая скептические вопросы.

– Дуб висельника? Что это? – проронил я, делая очередной глоток. Чай парил, источая по кухне лёгкий аромат альпийских трав. Ну, мне хотелось в это верить, так как денег за стограммовую пачку пришлось отвалить не мало.

Тогда, сидя на кухне и поедая шоколадное пирожные, Лена рассказывала мне очередную «весёленькую» историю, вычитанию в интернете. Да, лучше бы я не спрашивал...

В разных странах есть места, на которые молятся любители мистики и ужасов. Кому-то повезло больше, и у них для этого притаилась старинные замки или полуразвалившиеся кладбища. Моей стране повезло меньше – масштабы не те. А что ещё сказать, если у нас, одним из самых известных мест, оказалась деревня Глубокий Выгон. Об этом я узнал, допивая чай и выковыривал из зубов альпийскую травинку.

Лена отрезала очередной кусок пирожного, а её глаза сияли радостью. К сожалению, не сладость разместила на её лице улыбку, а рассказываемая история, от которой волосы на моей, начавшей лысеть, голове, медленно поднимались к к

потолку.

Для обычного обывателя деревня Глубокий Выгон могла показаться очередным смешным топонимом на теле нашей родины. Небольшое поселение, образованное ещё около трёхсот лет назад, имело в своём активе около пятидесяти дворов. Старая церковь, восстановленная на месте сгоревшей при советах, смотрела в небо блестящим куполом. Магазин, киоск с удобрениями и пара бабок, торгующих возле автобусной остановки поштучно сигаретами – вот и вся инфраструктура этого прекрасного места. Что ещё? Ну, конечно же он – дуб висельника. Старое дерево с почерневшей от периодических поджогов корой, смотрело с экрана телефона моей невесты. Она подвинула его ко мне и пристально наблюдала, как мои губы искривляются в отвращении. За что сразу цеплялся взгляд, так это за две ветки, торчащие в разные стороны. Они шли почти горизонтально, и на них не было ни маленьких веточек, ни листиков – такие себе балки, для подвешивания нерадивых жителей деревни. Прямо под деревом стоял молодой парень. Его голова была приподнята, а глаза выискивали что-то среди ветвей. Он махал рукой снимающему его человеку, приглашая подойти поближе. Я не видел лица парня, но он мне казался чем-то встревоженным.

Лена доела пирожное и стукнула ложкой по тарелке. Звон посуды отвлек меня от созерцания снимка и заставил уронить телефон на стол.

– Это он? – не знаю почему, но мой голос дрогнул. Пришлось встать и налить в стакан воды, чтобы промочить горло.

– Ага, – улыбнулась Лена. – Это дуб висельника. Парень на фотографии... он умер. Через несколько дней после этой прогулки он, оставшись дома один, прицепил к батарее верёвку, надел на шею петлю и прыгнул с окна. Помнишь, об этом везде писали? Фотограф, кажется, порезал вены через пару дней, но это мне уже не так интересно.

– Висельник на Гоголя? – мои брови приподнялись, а стакан в руке мелко задрожал.

Помню ли я этот случай? Ну, как сказать... Если учесть, что я работаю на соседней улице и отправившись на ежедневную обеденную прогулку, застал спасателей за работой... то, можно сказать, что помню. Несколько человек в спецодежде со страховочным оборудованием, свисали с крыши. Их коллеги придерживались висельника из соседних окон. Когда верёвка было перерезана, парень повис на руках двоих спасателей, затянувших его в распахнутое окно.

Краем глаза я зацепился за фотографию, продолжавшую мирно смотреть на мир из телефона. Нет, узнать несчастного я не смог, но что-то в его лице казалось знакомым. Скорее всего, мозг старался шутить со мной, выставляя надуманное за действительность. Парень стоял вдалеке от фотографа и понять, что его так заинтересовало на дереве, я не смог. Но в душе у меня поселилось чёткое чувство, что он чего-то ис-

пугался. Поле, позади небольшой холм, дерево... Что из этого может быть страшным? Что в этой снимке такого, что даже у меня зарождается чувство страха, только от одного его вида? Опять шутки подсознания? Я знаю, что это за место, и мой мозг старается запугать меня. Помню, когда-то смотрел старый фильм, в котором показывали, как работают некоторые психологические уловки. К примеру, аудитории студентов показывали портрет человека и сообщали, что он преступник. Все сразу начинали описывать его злые черты лица и жестокие глаза. Когда другой аудитории показывали тот же самый портрет, но говорили, что это великий учёный, всё сразу начинали описывать его добрые морщины и светлый взгляд. Дуб висельника? Значит любое фото с ним должно быть страшным.

– Ты тоже это чувствуешь? – Лена вывела меня из раздумий.

– Прости, что? – я качнул головой, прогоняя наваждение. – Я задумался. Ты о чём?

– Опасность, исходящую от снимка, – полушёпотом, с улыбкой проговорила Лена. – Ты тоже почувствовал, как от него веет ужасом и страхом.

Лена смотрела на меня, как будто на мне были нарисованы странные узоры. Я не мог понять, чего больше в её взгляде: насмешки или волнения. Через мгновение, телефон снова переключился в её руку, и она что-то быстро начала листать.

– Вот, смотри, – гаджет проехался по столу, и мне при-

шлось ловить его, чтобы дорогая игрушка не разлетелась в дребезги, завершив свой путь на нашем кафельном полу. — Думаю, дерево ты узнал.

Дрожащей рукой, я поднял телефон и увидел картину, мало чем отличавшуюся от недавней. Всё то же зелёное поле, холм и дуб. Те же две ветки смотрят в разные стороны, завлекая невымытые шеи будущих жертв. Только сейчас под деревом стояла девушка. Полная, в короткой юбке и с причёской «под мальчика», она выглядела гармонично рядом с широким и безлистным деревом. В этот раз, фотограф заснял взгляд человека, и это меня обрадовало. Нет, я не параноик и это не игры разума! В глазах девушки явно виден страх! Я увеличил снимок и рассмотрел перекошенный рот и начавшую подниматься руку. Уверен, она тоже хотела показать на то, что осталось недоступным фотографу. Как я не старался разглядеть источник её страха, ничего нового фотография мне не раскрыла. Но я увидел красный след на шее девушки.

— А что... — я попробовал задать вопрос, но был перебит Леной.

— След от петли. Её спасли за два дня до этого снимка. Тогда Саша, так её звали, поехала к дубу висельника, полная уверенности, что теперь её не спасут. И она была права: через три дня девушку нашли повешенной в нерабочем лифте. Миша, она умерла в лифте в своём же подъезде! Этот лифт не работал уже почти месяц! А умереть её подтолкнула любовь, как бы банально это не звучало... Фотограф утонул в

бассейне на третий день после того, как обнаружили Сашу. Прошу заметить, он был мастером спорта по плаванию, но это ему не помогло – проклятие дуба настигает всех своих жертв.

Сегодня я лежал на спине, уперев взгляд в потолок. Мягкий матрас на большой двуспальной кровати позволял расслабляться после целого дня сидения за компьютером. Медленно повернув голову в сторону Лены, я вытянул из-под головы правую руку и провёл себе по лицу. Мне это не послышалось? Моя невеста хочет сфотографировать у этого непонятного дуба?

Перед глазами качнулся видение, и его вид мне не особо понравился: из окна дома на Гоголя висит парень, а несколько человек в одежде спасателей, стараются спрятать его мёртвое тело от глаз праздных зевак. И от моих глаз тоже. Девушка в лифте? Я не видел её труп, но явно представил, как её пухлое тело болтается под потолком узкой кабины лифта. Интересно, к чему она прицепила верёвку?

Лена продолжала лежать в прежней позе. Примостилась на бок, она провела так всё время, пока я просматривал новости в интернете. Похоже, молча лежать ей надоело и мне открылась тайна её подарка.

Не дождавшись больше никакой реакции с её стороны, мне пришлось начать первым. Медленно, произнося каждое слово с расстановкой, я попробовал исправить ситуацию и изменить её желание в сторону чего-то более банального. Те-

лефон! Что может быть более желанным для современной девушки. Новый, дорогой, «розовенько-красненький» – ну, просто мечта! Или сумка! Платье тоже сойдёт. Но это в том случае, если в жёны ты выбрал обычную девушку, а у меня – фанатка мистики и ужасов.

– Зачем тебе туда ехать? Ты тоже хочешь умереть из-за несчастной любви? А я думал, у нас всё серьёзно...

«Ну, давай! Скажи, что ты ещё не окончательно решила! Скажи, что у меня ещё есть шанс отделаться большими деньгами, но целыми нервами! Я жду...»

Лена медленно перевернулась на спину и уставилась в потолок. Тяжёлый вздох, прозвучавший в комнате, разрушил все мои надежды.

– С той девушкой всё сложно, – Лена засунула руку под подушку и извлекла из-под неё телефон. Подержав его несколько секунд в руках, она, раздумывая над дальнейшим действием, убрала гаджет на прежнее место. Не сомневаюсь, что изначальной целью было снова посмотреть на фото несчастной толстушки. – Ты же помнишь, там замешана любовь и прочие радости. Парень, которого она любила с самой школы, женился на их общей знакомой. Я не уверена, знали ли он о чувствах этой бедняжки, но история для неё закончилась грустно. Про парня на первой фотографии, могу сказать только то, что он недавно расстался со своей девушкой. Видишь, возможно, дерево здесь не причём... Да и с отношениями у нас всё гладко, так что тебе бояться нечего.

Она повернулась ко мне и обняла дрожащей рукой. Я не понял почему её пальцы подрагивали, ведь в комнате было довольно тепло. Да, за окном шёл лёгкий снег, но наша квартира в новостройке хорошо отапливалась от индивидуального отопления... а тут подрагивают пальцы, и холодная ладонь замирает на моём животе.

Лена молчала. Она провела несколько раз рукой по моей груди и остановила её в районе солнечного сплетения. Её ладонь промораживала меня, но прекращать происходящее не хочется.

– Миша, на самом деле я уже пару лет хочу туда съездить, но всё никак не наберусь смелости. Ты же знаешь, что под личиной любителя «пострашнее», я самая настоящая трусиха. Кстати, спасибо, что позволяешь мне оставлять на ночь свет в коридоре, – Лена поцеловала меня в щёку, и снова продолжила монолог. – Но других, настолько загадочных мест, в нашей местности нет. Не то что в западных странах. Да и там... Мы с тобой посещали замок с приведениями, отдыхая в прошлом году, но ты же помнишь, что их там давно никто не видел.

– Ага, кроме местных. И то, как мне показалось, привидения появляются только после пары пропущенных стаканов.

– Ну, да, – звонкий смех на пару секунд ворвался в мой мир, через мгновение снова уступив место прежнему разговору, – я тоже так думаю. А что у нас? У нас есть место, которое наводит ужас на многих людей, даже за территорией

страны! На американских форумах люди обсуждают Глубокий Выгон! Миша, американцы обсуждают украинскую деревеньку! Ты знаешь, что местные жители стараются не гонять к дубу скотину? А то, что первая церковь в тех краях, которую построили ещё лет триста назад, загорелась, и в считанные минуты выгорела дотла? А ещё...

Я приподнялся на локтях и посмотрел в её сторону. Лена замолчала, остановившись с приподнятой вверх рукой.

– Деревянная церковь? Загорелась? Лена, это действительно невероятно. Мне кажется, что там ещё был магический треск досок и магическое поедание зажаренных шашлыков.

Улыбка поползла по моему лицу, вопреки желанию оставаться серьёзным. Через пару секунд я смеялся на всю комнату, снова завалившись на кровать.

Лена стукнула меня кулаком в бок. Не могу сказать, что у неё хороший удар, но рука у девушки реально тяжёлая. Короче, пришлось мне застонать, но я сохранил лицо, мужественно сжав зубы.

– Дурак... – она засмеялась, передразнивая мой голос. – «Магический треск досок»... Тьфу на тебя.

Я резко поднялся и поцеловал её в щёку.

– Любимая, я забыл про магический треск разверзшейся земли, когда из неё появились рога, и Дьявол выбрался наружу, пожирая всё на своём пути!

Лена снова ударила меня в бок и заскочила сверху.

– Ой, дурак. Как я тебя терплю?

Наш поцелуй длился вечность, и я готов поспорить, никакой Дьявол, разрывающий землю, не смог бы нас разделить.

Через час, приняв душ и попивая напитки, мы снова сидели на кухне, обрядившись в домашние халаты. Лена крутила в руке цветную баночку, рассматривая через отверстие видное только ей магическое послание. Сделав очередной глоток, она улыбнулась и ударила ладонью по столу. Признаюсь, такой жест меня удивил, поскольку удар оказался не из лёгких, и я, дёрнувшись, чуть не пролил свой напиток.

– Миша, значит так: или мы едем к дубу висельника, или в качестве подарка ты мне купишь домик у моря. Там обязательно должны летать большие белые чайки, а утром лодка рыбака будет привозить мне свежую рыбу. На гамаке среди пальм, я буду проводить всё свободное время, попивая сок из свежего кокоса. Три служанки будут ухаживать за мной: первая – следить за моим богатым гардеробом, вторая – готовить вкусные обеды, третья – махать опахалом, разгоняя страшную жару. Скорее всего, там найдётся место красивому мускулистому садовнику, который будет подрезать кусты перед домом, а по вечерам я буду разрешать ему купаться в бассейне. На большой яхте...

– Так, всё, хватит! – я поставил напиток на стол. – Ты «великий архитектор» или «великий писатель»? Твой рассказ напоминает мне современные женские романы.

Лена рассмеялась, также поставив баночку на стол. Подтянув узел халата, моя невеста встала со стула и подошла к окну. Рассматривая падающий большими хлопьями снег, Лена мечтательно проговорила:

– А почему бы и нет! Вот съездим с тобой к дубу и напишу книгу. Правда, это будет что-то из жанра хоррор, но, не исключено, что любовная линия там поприсутствует. Представь себе историю молодой девушки, пожелавшей раскрыть секрет страшного дуба! Со своим женихом она пройдёт через все преграды и убьёт злого демона, а в конце романа они сыграют пышную свадьбу!

– Кто? Девушка и мёртвый демон? – я сделал глоток и снова поставил баночку на стол.

– Миша, я тебе уже говорила сегодня, что ты дурак? – Лена повернулась в мою сторону. По её лицу расплылась улыбка, голова наклонилась в бок, и девушка показала мне язык.

– Слушай, ну давай я тебе подарю что-то полезное. Ну, там, сковороду...

– Сидоров, этой же сковородой ты у меня и получишь. Хочешь сделать девушку счастливой – исполни её просьбу!

Просьбу? Да я бы и рад это сделать, но... По правде сказать, эта затея меня напугала, и я старался прогнать из головы не самые приятные мысли. Люди вешались после посещения не самого обычного дерева, а их друзья умирали через несколько дней. Хочу ли я пустить туда свою невесту? Конечно же нет! Нам с ней ещё детей заводить и спать в га-

маке на острове из её истории!

Лена прошла к столу и села мне на колени. Лёгкий поцелуй в щёку заставил вернуться в реальность, и я качнул головой. Выглядело так, как будто я отказывался от её ласк и появившееся на лице девушки удивление, явно на это намекало. Пришлось по-быстрому целовать в ответ, дабы не нарваться на неприятности.

– Миша, ты здесь? – Лена, продолжая улыбаться, рассматривала моё лицо. Мне кажется, так смотрят на человек, внезапно потерявшего сознание.

– Здесь я... где же ещё, – я пожал плечами и кивнул, подтверждая свои слова. Не говорить же невесте, что я мысленно находился у дуба, раздумывая над возможной нашей участью. – Не передумаешь?

Я старался сделать очень несчастный и упрасивающий взгляд. Если взять Мишу Сидорова, а рядом посадить кота из «Шрека», то я бы выиграл у него, набрав по очкам в несколько раз больше, чем этот хитрец.

Лена поцеловала меня в лоб. Она часто так делала, если хотела закончить разговор. Ничего, я ещё немного поборюсь.

– Нет, не передумала, – слова подтвердили мой страх, и мне ничего не оставалось, кроме примирительного поцелуя.

Девушка рывком вскочила на ноги и пошла в нашу комнату. Я тащился сзади, бормоча под нос обидные слова. Естественно, направлены они были только в мою сторону.

– Лена, я переживаю, – мне пришлось отвести взгляд, ко-

гда девушка уселась на кровать и посмотрела в мою сторону. Она откинулась назад, ловко накидывая поверх себя одеяло. – Конечно, всё это только совпадение, но...

– Ты же в это не веришь, – перебил меня передразнивающий мою интонацию голос. – Ведь это всё неправда, так не бывает... Ты же так говоришь? Чего тогда боишься?

Я сел на пол рядом с кроватью. Мягкий ворсистый коврик отделял меня от ламината на полу, создавая уютные ощущения. Рассматривая ночник на стене, я раздумывал над ответом. Где-то за окном падает снег, неслышно укрывая наш двор, а мы среди ночи обсуждаем городскую легенду. Ей-богу, как будто молодым больше заняться нечем...

Немного подумав, я откинулся на коврик и рассматривая потолок постарался объяснить свою мысль.

– Я не верю, что наш сосед маньяк или убийца, но это не запретит ему, в случае умственного помешательства, вонзить мне в горло прекрасно заточенный кухонный нож.

Не знаю, как там с остротой ножей у соседей, но я не сомневаюсь, что для нашего убийства они воспользуются именно таким: блестящим, с чёрной ручкой, в изоленге и очень хорошо заточенным.

Лена засмеялась. На кровати послышалось шевеление и через секунду на меня сверху смотрели заинтересованные глаза.

– Ты это серьёзно? Ты считаешь, что дядя Коля, семидесятилетний старик, может завтра прийти к нам в гости и пе-

перезасть нам горло?

– А что? Он же заходит к нам за солью и сахаром, – я развёл руками, несмотря на всю сложность данного процесса – ворс из ковра не давал нормально двигаться.

– А ты смешной, – Лена снова откинулась на кровать. – И немного дурак... Серьёзно. Мне с тобой в этом плане повезло. Вот у Машки с моего потока, парень нудный. Знал бы ты, чего ей стоит вытащить его в кино! И он постоянно бубнит.

Да, эту историю я слышал уже не один раз. Тем более, Машку с Женей знаю уже пару лет – спасибо за это Лене. Мне всегда казалось, что Женьке просто не повезло с девушкой, так как у них очень разные темпераменты. Парень он хороший, но очень спокойный. Маша же наоборот – парашюты, лыжи, рафтинг... Короче, у нас с Леной тоже не все интересы совпадают. Особенно в любви к ужасам.

– Лена, мне тоже с тобой повезло. Может усилим наше везение и не поедем к этому дубу. Нет, ты не подумай, что я испугался, просто это...

– Это вызов! – спокойно проговорила Лена. – Ты понимаешь, это, как проверка себя на прочность.

Ладно... Продолжу играть в скептика, тем более, в моей голове зародилась мысль, которая должна разрушить все доводы невесты.

Сев на коврик на сложенные ноги, я заглянул на кровать. Лена смотрела в окно, укрывшись одеялом до самой головы. Ну, готовься, дорогая!

– Хорошо, я согласен туда поехать. Но ты же сама должна понимать, что это чистая выдумка. Вот ответ мне на вопрос: почему не умирают местные жители? Ведь это место такое жуткое и, – я постарался сделать голос пострашнее, – демоническое. Почему власти ничего не сделают с ним? Лена, это очередная «утка» и «замануха» для любителей ужасов. Давай лучше спать, а утром ты сама поймёшь, насколько всё это глупо звучит.

Медленно, как трупы в фильмах ужасов, Лена приподнялась на кровати. Спадающие с неё одеяло только усиливало сходство с продукцией Голливуда. В её глазах сиял озорной огонёк, намекая, что ничего хорошего ждать от её слов мне не придётся.

– А кто тебе сказал, что никто из местных там не умер? Говоришь, власти молчат и ничего не делают? А им то что? Туристы едут, пусть и не таким потоком, как хотелось бы, но место знаменитое и отмечено на всех картах зарубежных охотников за мистикой. Тем более, есть действующий способ не умереть от верёвки, распространяемый среди местных жителей: не нужно ходить на поляну к дубу висельника. Там от крайнего дома идти метров триста. Люди поставили забор и табличку с предупреждением. В общем, кто хочет сохранить жизнь, тот имеет для этого все шансы. Сидоров, хватит этих пустых разговоров. Я уже всё решила и, если ты хочешь сделать мне интересный подарок – у тебя есть такой шанс. И, вообще, пора спать.

Лена откинулась на кровать и снова натянула повыше одеяло.

Я ещё с минуту посидел на полу и, решив, что хватит с меня роли недопущенного к постели мужа, перебрался на кровать. Построенное в мечтах совместное будущее становилось туманным.

Да, не люблю я такие прогулки. Правда, признаться, что именно мне не нравится в происходящем, я бы не смог. Погода для зимы почти великолепная! Светит яркое солнышко, снег, сыпавший всю ночь, прекратился, и сейчас покрывает ровным слоем всё вокруг. Он блестит и слепит глаза, но я не боюсь этого. Немного прищурившись, начинаю смеяться – фотограф, закинув за спину сумку, лепит снежный комок...

Такси медленно тронулось в сторону трассы. Гоша, держит в руках снежок, рассматривая отъезжающую машину. Когда она скрывается за поворотом, он, поправив солнечные очки, кидает ей вслед белый снаряд.

– Вот же, сволочь! – повернувшись ко мне, Гоша указывает большим пальцем сжатой в кулак руки себе за спину. – И подвез бы ещё немного. Отсюда идти до вашего Выгона ещё минут пять.

Раздавшийся за спиной смех, старается вернуть меня в реальность, вытянув из детских воспоминаний о зиме и играх с друзьями во дворе. Лена, продолжая заливаться смехом, вешается сзади на шею.

– Гоша, ну, ты если хочешь, я могу понести твою сумку, – она целует меня в щёку и направляется в сторону фотографа

– Ну, нет уж. Это моя сумка и в ней лежит моё самое цен-

ное! Знаете, я никому не позволяю носить её. А вдруг уронят?

– Я не уроню, – Лена протягивает к нему руку. – Мне надо, чтобы ты был в настроении, а то снимки могут получиться плохими.

– Это да, – вздохнул фотограф, подтверждая свои слова несколькими кивками. – Но водитель всё равно сволочь!

Гоша посмотрел в мою сторону и отошёл ближе к дороге, на которой ещё недавно стояла машина такси. Я оценил его жест, как приглашение идти первым. Оглядевшись по сторонам и в очередной раз полюбовавшись белоснежными просторами, я шагнул вперёд, увлекая за собой спутников.

Буквально через пару секунд, мимо пронеслась Лена. Обогнав меня на пару шагов, она, раскидывая в сторону ногами снег, пошла спереди. Я понимал её желание нестись к цели, но страх перед непонятным дубом меня не радовал.

Конечно, Гоша прав и таксист мог подвезти нас хоть чуть-чуть ближе к посёлку, но тот сказал, что это его конечная точка на всех маршрутах, ведущих к Глубокому Выгону. По его утверждению, никто не будет ехать дальше, так как о проклятии, висящем над посёлком, знают все местные таксисты. В принципе, водитель с другого города смог бы поехать дальше, но здесь «залётных» нет и всем туристам приходится идти пешком. Я попробовал предложить денег, решив, что нас хотят развести на кругленькую сумму, но это не прокатило, и теперь мы вынуждены идти по белоснежной дороге к вид-

неющимся на горизонте домам.

Лена радовалась, что Гоша согласился на эту фотосессию. Она вначале переживала, что, почитав после приглашения о месте съёмки, он откажется туда ехать, но парень только рукой махнул и сказал, что всё это бред.

– Люди вешаются? Так это и без ваших проклятий и магии происходит. С одной стороны, на них влияет обстановка с невозможностью обеспечивать свою жизнь и нормальное существование близких. С другой стороны, наслушавшись историй о повесившихся людях, особо восприимчивые ребята не могут успокоиться и лезут в петлю. Это всё психология.

Да, Лена тихонько посмеивалась, зная Гошину обидчивость на людей, но в душе ликовала. Гоша Евлантиев был одним из самых популярных фотографов Харькова. В очередь на съёмку к этому странно одетому человеку записывались за полгода. Он очень популярен в социальных сетях, его зовут на праздники к знаменитым людям города, но он всегда для неё будет «Гогой», с которым Лена отдыхала в Крыму почти пятнадцать лет назад. Гошин отец является сводным братом Лениной мамы. И хоть они никогда не жили вместе, отношения старались поддерживать. В общем, Гога не смог отказать своей родственнице в удовольствии сфотографироваться на свежеснеженном снегу.

Лена торила путь, стремясь побыстрее достичь своей цели. Гоша, продолжавший что-то бурчать себе под нос, шёл за ней следом. Его оранжевые лыжные штаны хорошо выде-

лялись на белом снегу, являясь ориентиром для меня, замыкающего всю процессию.

Из трубы самого крайнего дома шёл дым. Зелёный деревянный забор с облупившейся краской, в любое время года встречал путников, решивших, как сказала Лена, бросить вызов и проверить себя на прочность. Дом тоже был не самой первой свежести и явно требовал ухода, но прямо во дворе я увидел новенький гоночный мотоцикл, от которого у меня потекли слюнки. Я даже сделал несколько шагов в стороны закрытой калитки, но тут же услышал голос из-за маленького строения во дворе.

– Слышь, ты это... на железячку-то не зарься. Это внука моего, а он парень серьёзный.

От туалета в нашу сторону, в тапках на босую ногу, шёл старик. Старые пляжные сланцы чёрного цвета, скользили по очищенной от снега дорожке.

Лена посмотрела в мою сторону и качнула головой. Разведя руки, мне пришлось оправдываться:

– А что я? Я только посмотрел...

– Ага, только посмотрел, а уже человека обидел. Эх, Сидоров...

– Да что я-то?

– Успокойтесь, – Гоша направился к калитке, поправляя на ходу свою сумку с оборудованием. Махнув нам рукой, он обратился к успешному подойти вплотную к забору старику. – Любезный, а не подскажите, как к дубу пройти. Ну, к

тому, после которого люди вешаются.

Рукой Гоша показал, как обматывает вокруг шеи верёвку и вздёргивает её вверх. Лена погрозила ему кулаком, но фотограф только отмахнулся от её жеста.

Старик, достав из кармана фуфайки окурок, поджёг его от старой зажигалки. Потрескавшиеся пальцы отвели в сторону дымящуюся сигарету и скомкали её в бесформенную массу. Выкинув окурок за забор, хозяин двора заулыбался, показывая чёрные зубы.

– Ещё желающие рискнуть приехали, – он сплюнул в снег и огляделся с украдкой по сторонам. – Ну, давайте-давайте... Тут идти не более пары километров. Вот по этой дороге и ступайте. А как пройдёте все дворы, там уже немного останется... Да, у дома Матвея повернете на тропинку... О чём это я... тропинка снегом замена... В общем, налево свернёте и через минут десять будете на месте. Оно по лету можно и быстрее дойти, но там сейчас снегу намело... Да, девушка ваша не зря ботинки одела, а то там в туфельках не пройдёшь. О, не забудьте себе проводника взять! Мишу советую. Вы его узнаете по костылю.

Я заглянул ему в глаза, стараясь уловить насмешку, но старик смотрел спокойно и рассматривал нас, как очередную диковинку.

– Проводник с костылём? Зимой? В снегу? Это что-то новенькое, – Гоша снова поправил свою сумку и достал телефон. – Так снега не обещают – уже хорошо. Карта отобража-

ется... Думаю, сами дойдём.

– Э, нет, – заулыбался старик, – это вряд ли. Знаете, как оно бывает? Идёшь влево, а приходишь с правой стороны! Вот здесь также.

Гоша пожал плечами и пошёл по дороге.

– По-моему, здесь всё логично: идёшь налево, а возвращаешься справа. Вот всю землю обошёл и назад вернулся в ту же точку. Заладили про своего проводника... Ленка, да я вас по телефону доведу туда!

Лена взяла меня за руку и засмеялась.

– Ну что, приключения начинаются?

Я сжал её ладонь и стиснул зубы. Медленно раздвигая губы, моё лицо сострепало что-то похожее на улыбку.

– Конечно, начинаются! Я уже чувствую это. Особенно это видно по лицам людей, высматривающих нас из соседних окон.

Лена оглянулась на соседние дома и, махнув рукой, понеслась к Гоше.

– Гога, я сама знаю куда идти. Зачем ты спрашивал?

Гоша продолжал что-то бормотать под нос. Старик, оставшись у нас за спиной, хмыкнул и пошёл к дому. Мне осталось только проводить взглядом приглянувшийся мотоцикл и оставить в голове не прозвучавший вопрос о доходах неизвестного нам внука, сумевшего приобрести такой дорогой транспорт в таком захолустье.

Я шёл позади, ухватившись покрепче за сумку с рекви-

зитами, в очередной раз обдумывая, почему Лена потянула меня с собой. К тому же, вариант покупки дорогого подарка, по сравнению с бесплатной фотосессией в этом месте, продолжал давить на нервы.

– Может по кофеёчку бахнем? – буднично, словно шёл не к дубу висельника, а в ночной клуб, сказал Гоша, когда я догнал их через полминуты после завершения любования мотоциклом. – День обещает быть долгим и наполненным трудами. Тем более, непонятно, когда мы вернёмся оттуда. О, кстати, Ленка, ты мне обещала, что я успею к пяти вечера на день рождения к другу, так что, попрошу не затягивать!

– И всегда он такой занятой, – съехидничала Лена, передразнивая сводного брата. – Конечно, я тебя отпущу, но не раньше, чем ты сам будешь удовлетворён получившимися снимками.

– Ладно, уговорила, – делая вид что обиделся, пробубнил Гоша. – Так что насчёт кофе?

– Будет тебе кофе, – Лена кинула в брата снежком и понеслась дальше по улице.

Я шёл за ними следом, наблюдая как дурачатся эти взрослые люди. Лена старалась не потерять душевного ребячества, брат не отставал от неё. Кидая друг в друга снежками, они подбежали к зданию, на котором виднелась надпись из красного пластика. Глядя на неё, каждый путник должен был понять, что оказался у магазина с простым названием «У Галины». Ну, что же, выходит мы скоро узнаем кто она такая,

так как на окне красовалось приглашение зайти на кофе.

За шалостями Лены с Гошей наблюдал не только я. Из окон соседних домов смотрели несколько лиц, половую принадлежность которых мне определить не удалось. Зато здесь тоже были такие же покосившиеся заборы, поломанные лавочки и старые деревянные окна – скажу вам, такой себе «презентабельный» вид у деревни, в которую стремятся туристы со всего мира. Может Лена ошиблась, и мы приехали не туда? Так нет же, поведение таксиста и слова старика говорили об обратном. Если бы не дорогой мотоцикл, можно было бы подумать, что здесь живут сплошь бедные люди.

Лена с Гошей остановились перед магазином, рассматривая витрину. Я подходил сзади, продолжая смотреть по сторонам. Мой взгляд привлекла единственная целая лавочка, выкрашенная в яркий красный цвет. Возможно, из-за своей целостности только она и была занята. С другой стороны, учитывая сезон и большие сугробы снега, присутствие на ней человека удивляло.

Но что это был за человек! На ней сидел молодой мужчина, на взгляд не старше двадцати лет. Его лицо было полностью заросшее бородой, которая прибавляла ему ещё с десятков лет. На голове парня не было шапки, отчего на блестящей лысине можно было разглядеть большую вмятину, немного правее центра лба. Одет он был в старый спортивный костюм, перевязанный на поясе верёвкой. На ногах у парня были такие же сланцы, как и у недавно виденного ста-

рика. Тут что, мода такая: ходить зимой в летних тапочках?.. Рядом с ним стояла палка, с резной ручкой. Парень водил по ней пальцами правой руки, которая в такую погоду обязана быть в перчатке, но только ни в его случае. Ни дать ни взять – настоящий морж!

Встретившись с ним взглядом, я остановился. Идти к друзьям больше не получалось, так как ноги не слушались, отхватив от головы команду замереть на месте. Это не страх. Нет, с ним я знаком и легко его узнаю в любых ситуациях. Это было нечто новое, ранее мною не познанное. Взгляд человека завораживал, заставляя отключаться некоторые чувства, отчего я перестал ощущать покалывающий лицо мороз. Возможно, и сам незнакомец, подвластный непонятной силе, не чувствовал сейчас холода, продолжая спокойно восседать на своём троне-лавочке. Усилием воли я смог повернуть голову и посмотрел на своих спутников, уже собравшихся войти в магазин.

– Как ты думаешь, у них есть капучино? – оглядываясь на Лену проговорил Гоша.

– Я думаю, у них здесь есть самогон и кое-что покрепче. А кофе будет из банки и скорее всего производства...

Она не успела договорить, потому что сзади что-то сильно ударило. Я догадался об источнике звука, так как знал, где сидит единственный, на кого можно было подумать в данный момент. Парень уже поднялся с лавочки и стоял, держа в руках посох. Грохот, отвлекший моих друзей, оказался звуком

удара его странного орудия о лавочку.

Поднявшись на ноги, парень оказался в снегу выше щиколотки. Его тапки спрятались под белым покрывалом, отчего казалось, что он стоит босой. Незнакомец смотрел в нашу сторону, а посох, недавно издавший грохот, продолжал покоиться одним краем в его руках, а вторым на лавочке. Улыбка на лице парня была... не знаю, я бы назвал её нездоровой. Медленно поднимая посох вверх, он смотрел в нашу сторону и, я готов поклясться, ни разу не моргнул. Когда руки подняли грозное орудие над головой, рот, обрамлённый неухоженный бородой, раскрылся шире. Звук, похожий на крик диких животных из передач о природе, вырвался наружу, отражаясь звоном от стёкол. Следом за этим, посох снова полетел вниз, ударяясь о несчастную лавочку.

Бросив палку в снег, парень сделал несколько шагов в нашу сторону и оказался на середине дороги.

– Васька вас заберёт! Он вас всех к себе возьмёт! Всех! И тебя, красивая девушка, милая невестушка. Ой, как к тебе к лицу белоснежное платье! И тебя, женишок-молодчик! Тебя он тоже возьмёт с собой! А что он сделает с тобой, полу-мужик в странной одежде, так это я вообще молчу! Все вы его игрушки! Всем вам придётся зависнуть между мирами!

В магазине открылось маленькое окошко, скорее всего, предназначенное для продажи среди ночи алкогольных напитков. Из него вылез кулак, а затем появилась лысая голова, с остатками волос на затылке и висках. Мужчина, посматри-

вая куда-то внутрь магазина, закричал на парня.

– Валик, а ну, успокойся! Опять ты со своими прогнозами! Сейчас выйду и уши тебе надеру! А потом к мамке твоей отведу, так она тебе ещё и ремня всыпет!

Парень резко стушевался, втянул голову в плечи и легко, как будто не чувствовал снежных сугробов под ногами, побежал в сторону лавочки. Подхватив посох, он скрылся за калиткой, оставив нас с открытыми ртами.

Первым пришёл в себя Гоша. Он повернулся в сторону лысой головы, махнул человеку рукой и пошёл внутрь магазина. Естественно, бубнить по дороге он не прекратил.

– Вот же сказанул... «в странной одежде» ... Да это дорогой зимний костюм! На себя бы посмотрел, спортсмен деревенский.

Продолжая поливать эпитетами незнакомого парня, Гоша скрылся за дверью. Вслед за этим из окна пропала лысая голова. Лена, обернувшись в мою сторону, пожала плечами:

– Ну, чем тебе не «загадочная деревенька». И это только начало!

– Ага, – я огляделся вокруг, отмечая исчезающие в окнах лица, – начало... а что дальше?

Лена подхватила меня под руку, затягивая в дверь магазина.

– Этого никому не известно. Но, как мне кажется, будет интересно.

Гоша стоял возле прилавка, рассматривая нагромождённые друг на друга пирожки. Он был известным любителем придорожной выпечки, отчего, как рассказывала Лена, часто страдал в поездках. Да, аппетитом природа его наградила хорошим, но о крепком желудке позабыла...

– Ленка, может по пирожку с грибами? Я ел в одной поездке очень вкусные пирожки с грибной начинкой... Правда, потом просидел полдня на унитазах, но оно того стоило. Девушка, у вас хорошие пирожки?

– Самые лучшие, – поднимаясь со стула, проговорила худая продавщица. Синий фартук на ней болтался, не имея возможности затянуться на такой худой талии. Впавшие щёки явно говорили о том, что сама девушка свои пирожки не ест. Возникло чувство, что это очередная жертва моды и анорексии, но находившийся рядом судочек с откусанной отбивной, говорил об обратном.

– Ленка, ты слышишь, самые лучшие!

Мы подошли сзади, рассматривая поднос через плечо фотографа. Десяток пирожков и столько же булочек, лежали на нём, разложенные на аккуратные кучки. За спиной продавщицы, по окрашенной в зелёный цвет стене, пробежал тапакан, через секунду нырнувший в щель между картиной и

полкой, хранящей на себе начатую пачку сигарет.

– Я даже не сомневаюсь, – засмеявшись Лена хлопнула его по плечу. Гоше пришлось поправлять съехавшую сумку, вознамерившуюся упасть на пол. – Может не будешь? У тебя же, наверняка, есть с собой пара бутербродов.

– Конечно, есть, но это совсем другое! Девушка, три пирожка и три кофе. У вас заварной есть?

– Нет, – развела в стороны руки продавщица. – Давно просим директора купить хотя бы простенький кофейный аппарат, а он деньги зажимает. Делаем только растворимый. Будете?

Гоша посмотрел на нас и махнул рукой.

– Будем.

Лена обняла брата за плечи и потянула в сторону столиков, стоящих в дальнем углу. Несколько затёртых стульев, выставленных возле стены, ожидали гостей данного заведения. Как я понял, любой желающий мог взять за свой столик столько стульев, сколько было нужно для его компании. Наверное, попивая самогон, можно было и стоя коротать время, но мы собирались пить кофе, поэтому я подставил к столу четыре стула. Ввалив на один из них вещи, Гоша сел рядом, постукивая пальцами по столу. Мы тоже заняли места, рассматривая обстановку магазина.

Стены были зелёными по всему периметру, но местами краска облупилась, показывая старую штукатурку. Помимо нашего столика было ещё три, и наш казался среди них са-

мым лучшим. При этом несмотря на большое количество сколов, потёртостей и постоянное пошатывание. Как Гоша не старался повернуть его в «правильное» положение, наглая мебель его не слушалась. Естественно, несколько тараканов были нашими соседями, хоть и сидели на небольшом расстоянии. Лампа, сделанная ещё до моего рождения, рассеивалась тусклый свет, свисая с середины потолка. Из современного я отметил только холодильник с пивом, наполненный тёмными бутылками.

– Хоть картину пиши, – высказал Гоша общую мысль, рассматривая что-то с правого бока.

Я заглянул туда же и увидел лежащего на полу человека. Первым моим желанием было подняться и узнать, что произошло с несчастным, но храп, раздавшийся через секунду, меня успокоил.

Гоша достал телефон и незаметно навёл камеру на спящего. Улыбка просвечивалась сквозь бороду фотографа, показывая его отношение к происходящему.

Не успел Гоша убрать телефон, как рядом с нами раздался звук, свидетельствующий о стремящемся к нам кофе – продавщица, она же официантка, несла поднос. Не могу сказать, что в помещении было холодно, но мы решили не раздеваться, отчего картина выглядела довольно смешной: одетые в тёплую одежду туристы берут парящий кофе у одетой в халат и фартук продавщицы. Ко всему прочему, на ногах женщины оказались лёгкие босоножки белого цвета, украшенные

красным декоративным цветком.

– Ваш заказ, – она начала выставлять чашки на стол, не забыв и про тарелку с пирожками.

– Спасибо, – Гоша схватил один из них и сразу же откусил. – О, действительно вкусно! Ребята, вы обязаны попробовать!

Мы взяли по пирожку, освободив тарелку. Лена, пожав плечами, откусила кусочек, одобрительно кивнув на Гошин вопросительный взгляд. Я несколько секунд рассматривал содержимое своей руки, затем, аккуратно откусил бок у мягкого пирожка. Не могу ничего с собой поделатъ, но эта детская привычка сохранилась у меня с детства. Скорее всего, так мы проверяли пирожки «на вкусоности», боясь получить в середине вместо вожделенных фруктов, либо рис, либо пло-хо протушенную капусту. Смею сказать, что данный продукт меня порадовал, и я с радостью продолжил жевать вкусную начинку.

– За хорошую поездку, и не менее хорошую фотосес-сию! – Гоша поднял свой стакан и скривился, опуская его на стол. – Горячий, зараза... Когда в таких местах научиться закупать рифлёные бумажные стаканчики?

Я посмотрел на свой и подумал, что тост за «хорошую по-ездку» так и не состоялся. Остаётся надеяться, что она сама не подведёт и будет, как минимум, приемлемой...

– Возьмите ещё по стаканчику, – раздался сзади голос продавщицы. – Так должно быть удобнее.

– Вот это сервис, – поднимаясь со стола, усмехнулся Гоша, – не успел подумать – на тебе второй стакан. Спасибо, большое!

Вернувшись за стол, он выдал каждому по спасительно-мутному стаканчику и принялся пить горячий кофе. Лена последовала его примеру. Я же, не являясь выходцем из их семьи, остался дожидаться хотя бы небольшого остывания мутной жидкости.

– Вот это по-нашему, – проговорил человек, появившийся из подсобки. Похоже, это его лысина, вместе с голосом и кулаком, отогнали от нас парня с посохом. – Кофе, пирожки... Людка, плесни и мне кофейку. А я пока ребят развлеку.

Он направился к нашему столу, по дороге рассматривая лежащего на полу человека. Тот мирно похрапывал, не обращая внимания на неудобную позу. Засмеявшись, человек придвинул стул и сел к нам за стол.

– Александр. Саша... Сашка... но это уже для друзей, – он оглянулся на продавщицу, и ты прыснула со смеху. Похоже здесь была какая-то тайна... а может уже и не тайна, но известная им обоим информация. – Ну, в общем, называйте меня, как хотите. Вы первый раз в наших краях?

– А что, не видно? – усмехнулся Гоша. – Мы же живые. А после ваших мест, как утверждают в интернете, мало кто может есть пирожки, запивая кипятком.

Александр рассмеялся, провожая взглядом тощую продавщицу, поставившую перед ним стакан с кофе. В его слу-

чае, она предусмотрительно принесла сразу два стакана, так что наш сосед по столу, смог сразу произнести тост, вздымая над головой свой кубок с горячим напитком:

– Так вот, за знакомство!

Он отпил кофе, вытер рот рукавом и осмотрел нас острым взглядом. Когда его глаза остановились на мне, я, обычно молчаливый, решил заговорить.

– Какое же это знакомство? Вы же не знаете, как нас зовут, а мы своих имён не называли.

– Ну и что? Всё равно вы сюда больше не вернётесь, а мне всех помнить не с руки. Раз приехали, значит что-то знаете про наши места. Раз не побоялись, то пойдёте к дубу. Ну, а раз уже пойдёте к дубу... В общем, ваших имён я могу не запоминать.

– Неужели, всё так серьёзно? – качнул головой Гоша.

– Так это всё правда? – приблизилась к Александру Лена.

Мужчина откинулся на стуле и провёл рукой по лысине. Посмотрев на продавщицу, он один раз махнул в её сторону рукой, как будто показывал, что всё в порядке, и снова приблизился к столу. Ещё раз осмотрев нас, он положил ладони на стол, сложив из них треугольник.

– Не все сразу... да и не всё сразу... В общем, меня зовут Александр, как я вам и говорил. Я работаю проводником и могу довести вас к дубу. Естественно, по дороге вы узнаете множество местных легенд, сказок, а также реальных историй. Обещаю: вы не соскучитесь в пути. Я уже семь лет на

рынке данной услуги, и ещё никто не жаловался.

Гоша фыркнул

– Так вы же говорили, что мы сюда больше не вернёмся. Смею предположить, что под этими словами вы подразумеваете, что сюда никто больше не возвращается. Так кто же, скажите на милость, мог на вас жаловаться?

Высокий слог Гоши вызвал недоумение в глазах проводника. Он отодвинулся от стола, осматривая фотографа, как диковинку. Затем, посмотрев на его штаны, снова махнул рукой и придвинулся к нам поближе. Показывая на Гошу, он спросил у меня:

– Он что, из этих?

– Кого? – не понял я.

– Ну... короче, ладно... Так вот я вас смогу провести туда без особых проблем, а также дам наставления. Очень полезные!

Гоша тоже посмотрел на свои штаны, после чего поманил проводника пальцем. Когда тот придвинулся, фотограф заговорил шёпотом, осматриваясь по сторонам:

– А с чего вы здесь все взяли, что нам нужен проводник. На телефоне карта у нас есть, а все легенды мы можем прочитать в интернете. Что такого особенного вы нам можете рассказать?

– Ох, уж эти туристы! И всё они знают, и всё они уже слышали! А историю об одноногом моряке, приехавшим из Австралии посмотреть на дуб, да так и сгинувшим в местных

лесах, уже слышали? Как волки отгрызли ему вторую ногу? А? Конечно, не слышали, а я вам могу рассказать.

– Так тут же лесов нет, – Гоша отхлебнул очередной глоток кофе.

Рассказчик, как-то сразу поутих. Повисла пауза, прерванная его возгласом:

– Да что ты знаешь? Лесов нет... а волки! Волки-то какие! Они гнали его между деревьев, а затем, загнав к холму, отгрызли ему ногу! Ага, именно так! Пригнали его на то место, откуда он уже не мог спастись, и там ему горло перегрызли... ногу откусили! Ой, что это я... Я же вам бесплатно рассказал историю... Слышь, парень, купи дядьке винца, горло промочить, а то уже два дня ничего полезного внутрь не кидал. Купишь, а?

Кивнув, я встал со своего места и направился к продавщице. Не то что я считал себя должным этому человеку, но его взгляд, выпрашивающий оплату, перенести не смог. И самое главное, так спокойно всё начиналось...

– Люся, капни мне стопочку. Парень сейчас оплатит.

На прилавке появилась стопка, и худая продавщица начала наливать из грязной бутылки прозрачную жидкость.

– Вы же вина просили?

– От вина до местной бормотухи – один шаг, – сказал проводник, хлопая ладонью по столу. Его смех накрыл всё помещение.

Через минуту, влив в себя стопку неизвестной мне жидко-

сти, Александр, довольный результатом, продолжил наступление.

– Нет, ну, конечно, вы всё и сами знаете. Конечно, часть наших легенд витает по интернету, наводя ужас на рядовых пользователей. Но! Прошу обратить внимание на это «но»! Э, парень, возьмёшь дяде ещё стопку?

Я повернулся в сторону продавщицы и кивнул на её вопросительный взгляд. Та, явно ожидая моего решения, наполнила очередную стопку и быстренько принесла её к нам за стол.

– Может и вам налить? – она смотрела на нас с надеждой.

Нет уж, хватит на сегодня согласий с местными...

– Спасибо, но мы не будем. Пока не будем, – уточнил Гоша, подмигивая нам с Леной. Немного тише, наклонившись к самому столу, и убедившись, что продавщица отошла, он сообщил своё мнение. – Пирожки я люблю, а вот всякую бормотуху пить в наливайках не согласен. К тому же, мне кажется, что они с Александром заодно.

В подтверждение своих слов, он кивнул, указывая в бок большим пальцем. Проводник, расценив жест по-своему, придвинулся в нашу сторону. Стопка уже была пустая, а в воздухе витал явный запах самогона. По крайней мере, таким я его помню с детства, особенно, когда вспоминаю деда.

– Так вот, – продолжил Александр свой рассказ, – я могу поведать вам такие истории, которые вам никто другой не расскажет. Интернет знает только то, что туда донесли вы-

жившие. Часть историй выдумка и тупая замануха для туристов. А я смогу вам рассказать такие вещи, от которых у вас волосы дыбом встанут.

– Ну да, вам легко говорить, – Гоша кивнул в сторону лысой головы рассказчика.

– Успокойся, Гога, – Лена скривилась губы, посмотрев в сторону брата, затем поманила пальцем Александра. – Вы мне лучше про того парня с улицы скажите. Я про него ничего не читала.

– Это Валик, местный сумасшедший. Он, обычно, не показывается из дому, но тут, похоже, мать не уследила. Говорят, он с братом в детстве к дубу ходил. Через три дня брат повесился, а Валик при этом присутствовал. Что он там видел – никто не знает, но с той поры он ходит по улице и пугает людей. Головой тогда тронулся изрядно. Испугался Валик сильно, рассказать ничего не мог... Говорят, он саму смерть тогда увидел и смог убежать от неё. А кто-то сказал мне, что она его отпустила, чтобы Валик людей от дуба отваживал. Устала смертушка людей на тот свет водить после этих поездок, вот и сделала мальчика таким. Сейчас-то он, конечно, разговаривает нормально, только никому так ничего и не рассказал. Может, матери только... Но Светка молчит, не колется. Вот, видите, таких историй вы не найдёте нигде! Вы его голову видели? Когда он убегал, то зацепился через порог и приложился хорошо о камень. Тогда все думали, что он за братом следом уйдёт. Так нет же, выжил... Теперь вмя-

тина в его черепе про тот случай нам всем напоминает. Как-то так...

Лена посмотрела на меня, и улыбка на её лице сказала о многом. Вот, уже есть первая добыча – история, которую никто ещё не описывал в интернете. Теперь она сможет рассказывать её на сайтах любителей мистики, вызывая их зависть. Когда взгляд моей невесты упал на сумку Гоши, стало ясно, что она жалеет об отсутствии фотографии Валика.

– Хорошо, допустим... – стараюсь не проявлять и так явного интереса, сказала Лена, – но, что он там такое говорил? С чего он взял, что я в белом платье? Даже не так, почему он выбрал именно этот цвет? Для сегодняшней фотосессии я выбрала красный, как более контрастный со снегом.

– Не в белом, а белоснежном, – поправил сестру Гоша. – Тем не менее, это вопрос... Александр, что скажите?

– Так что, вы меня нанимаете? – проводник сделал вид, что ответ его не интересует. Он откинулся на стуле и начал рассматривать потолок. Различить тайные знаки после двух стопок не получалось, отчего лицо Александра постоянно кривилось.

– Нанимаем, – я высказал общее мнение, осмотрев своих спутников.

Проводник сразу повеселел. Он встал со стула, прошёлся к окну, через которое недавно гонял местного сумасшедшего, и приоткрыв его, выглянул на улицу.

– Всё-таки домой ушёл, – сказал Александр, возвращаясь

к столу. – Наверное, Светка услышала его крики и удары... Жаль, а то могли бы его самого поспрашивать. Не, вы не подумайте про парня плохого. Валик больной, но он тихий... в общем, хороший парень. А про платье... Знаете, некоторые его слова не несут в себе никакого смысла, но часть из оставшихся может оказаться пророческими. Помню, он сказал одной бабке местной, что её корова скоро сдохнет. Ну, все посмеялись, а бабка огорчилась. Говорит: «нельзя смеяться над юродивым»! И тут, на тебе... Через три дня корова подыхает от непонятной болезни. Нас тогда ветеринары хорошо потрусили... Короче, Валик ещё тот чудик, но может что-то знать.

– Хорошо, чувак, я согласен с твоими выводами про паренька, но что он имел в виду, говоря про мою сестру. Мне-то всё равно, а вот ей интересно.

– Ну, учитывая, что вашего друга он назвал «женишком»... Мне кажется, что это намёк на свадьбу, – посмотрев в сторону продавщицы, Александр засмеялся, приблизившись ко мне. – Может третью? Бог троицу любит...

На этой его фразе в углу зашевелились человек. Мы все глянули в его сторону, стараясь разобрать несколько несвязных слов, долетевших, словно из параллельного мира. Это оказалось бесполезным, и Александр махнул на него рукой, снова оборачиваясь в мою сторону.

Я посмотрел на ребят. По лицу Лены гуляла улыбка, а Гоша отрицательно качал головой. Я подмигнул ему и фото-

граф, понимая, что ситуация зашла в тупик, начал спасать нас от затянувшейся паузы.

– Нет уж... раз мы решили взять вас в качестве проводника, то мне будет спокойнее, в том случае, если ваше сознание будет хоть немного светлым.

– Чего он сказал? – посмотрел на меня проводник.

Я старался подавить смех. Лёгкие его признаки показывались наружу, отчего казалось, что я закашлялся. Слова с трудом выбрались на волю, разрушая надежды нашего проводника.

– Ничего страшного, но это значит, что вам в ближайшее время не перепадёт.

– Да это я уже понял... – Александр махнул продавщице и направился на улицу. – Ну, пошли. Чего расселись?

Он скрылся за дверью, впуская внутрь помещения прохладный воздух. Человек, лежащий на полу, дёрнулся, попробовал сесть и снова упал. Продавщица смотрела в нашу сторону, провожая покупателей в путь, по её пониманию, не сулящий ничего хорошего. И даже таракан, прятавшийся у полки, вылез из своего укрытия, рассматривая людей, покидающих помещение. Вот такая картина сопровождала наш выход к месту назначения.

Время близилось к десяти утра. Солнце светило ярко, отчего снег слепил наши глаза. Александр пошёл вперёд, рассматривая дорогу под ногами. Мы тянулись сзади «гуськом», пару минут проведя в полной тишине.

– Уважаемый, – начал Гоша, идущий в паре метров от проводника. – А как же истории?

– Ну, так... спрашивайте, – проводник на мгновение остановился, будто собирался повернуться и дополнить свои слова, но где-то завыла собака, сбивая его с мысли. Ничего не сказав, он пошёл дальше.

– Класс! – развёл руками Гоша, чуть не уронив сумку. – Истории, ну, прямо, одна другой лучше.

Лена, махнув мне рукой, понеслась вперёд. Поравнявшись с проводником, она повернулась в его сторону и задала вопрос, который должен был возникнуть в голове любого из нас ещё полчаса назад.

– А кто такой Васька? О ком это говорил Валик? Знаете, Александр, я большой знаток ваших легенд, хоть и понимаю, что большая их часть полнейший бред и выдумка, но про Ваську ни разу не слышала.

– Ой, дался он вам, – махнул рукой проводник. – Никто и никогда его не видел. Это всё рассказы Валика, выдумав-

шего непонятого злодея. Я думаю, он, когда башкой стукнулся, в мозгах всё и попутал. Васей звали его брата, а он, почему-то решил, что так зовут духа, забирающего людей. Вроде, он живёт под деревом и Валик рассказывал, что он забирает тех, кто ему приглянется. А вот я слышал, что гибнут все, кто там сфотографируется. А мой отец мне говорил, что каждый, кто простоит под дубом больше минуты, обязательно умрёт в муках. Знаете, что нам в школе говорили? На уроке по безопасности жизнедеятельности, учитель рассказал, что умирают не все, кто побывал у дуба, а только те, кто увидит демона. А вот дед моей жены пугал детей не демоном, а монахом, несущим чётки из крысиных голов. Якобы, если ты его увидишь у дуба, то головы точно не сносить. Деда за это от церкви отлучили. Вот и верьте во все истории. Вы слышали хоть одну из них раньше?

– Да, конечно, слышали, – Лена посмотрела в мою сторону, ожидая реакцию на рассказанное проводником. Действительно, кое-что из этого она мне рассказывала, но это же просто слухи и сказки!

– Короче, кого бы не увидел, а шанса выжить нет, – засмеялся Гоша.

– Где-то так, – сказал спокойно проводник. – Понимаете, вам смешно с этих историй, но часть из них являются чистой правдой. Мой одноклассник повесился, через день после того, как сделал фотографию дуба. Он хотел отправить её своей бабушке, чтобы попугать старую женщину местными ле-

гендами. Попугал... Бабушка на похороны приехала с внучком попрощаться. Они не виделись перед этим лет пять. А тут... В общем нехорошее там место. Даже очень.

Снова повисла тишина и мне удалось продолжить знакомство с посёлком. Все заборы, как один, старые. Нет, обманываю. Видел парочку «еврозаборов», но их я не считаю. Пройдя несколько десятков дворов, ничего кроме страшных домов я так и не увидел. Типичная глубинка, пусть и находится не так далеко от большого города. Самое странное, что я почти не видел и не слышал признаков жизни. Где-то пару раз мычала корова, да у одного двора на меня разлаялась собака. Видать сторожу не понравилось, что незнакомый человек рассматривает их ворота. Меня они заинтересовали резьбой, выполненной очень искусно, поскольку рука мастера была видна в каждом миллиметре, аккуратно обработанном столлярными инструментами. Ворота были старыми и местами дерево треснуло, опасно разойдясь в разные стороны. Отогнанный собакой, я пошёл за своими спутниками, и тут нас ждала очередная новость.

Проводник, остановившись через десять метров за последним забором, посмотрел в нашу сторону.

– Всё, дальше вы сами – мне туда нельзя, – Александр опустил глаза, рассматривая видимые только ему знаки на снегу.

А мы молча рассматривали проводника. Уверен, все мы думали, что это шутка, но весь его вид говорил об обратном.

– Так, стоп, – я решил разобраться с вопросом, так как выпивку проводнику покупать пришлось мне, да и оплата его непонятной работы также упадёт на мои плечи. – Как это мы «дальше сами»? Вы же обещали нас довести до места.

– Ну, такого я не обещал... и не мог такого даже подумать, так как нам туда нельзя.

– Кому это «вам»? – Гоша недоумённо пожал плечами. – Тут какая-то секта «дуба», масонский орден или просто клуб по интересам? О чём вы, Александр?

Проводник почесал голову, оглядываясь на соседний дом. Я мельком проследил за его взглядом, но никого, кто мог бы наблюдать за нами, не обнаружил. Александр почесал нос, посмотрел на наши заинтересованные лица, и заулыбался самой широкой улыбкой, которую мне только приходилось видеть.

– Ребята, мне не до разговоров. Может, сейчас ещё кто-то приедет, его нужно будет сюда провести, а сегодня моя смена... Короче говоря, платите, да я пойду на своё рабочее место.

Гоша поправил сумку и сделал шаг в сторону Александра. Мне казалось, что фотограф собрался бить проводника, но брат Лены только покачал головой. Несмотря на поднятую вверх руку, Гоша остался спокойным, каким я его знаю уже несколько лет.

– Блин, чувак, в чём заключается твоя работа проводника, если ты довёл нас по прямой дороге до поворота, и тут же

бросаешь, сославшись на непонятные отмазки?

– Наши проводники создают чувство уюта и подогревают интерес приезжих к дубу. Ну, это почти наш слоган. Вот...

Лена, оглянувшись на убегающую по полю дорогу, вспомнила обещанное, и, когда она заговорила, все мы обернулись в её сторону.

– А где же ваши наставления? Типа, «полезные»? Или как вы их называли?

– А, ну да... Лучше поезжайте домой. Ну его, дуб этот.

– Ну, чувак, а ты ещё веселее, чем я думал, – Гоша рассмеялся во весь голос, отвернувшись от проводника. – Мне всё ясно. Миша, пошли.

Я посмотрел на открытый рот Александра, и, уловив его вопрос, задал свой.

– Сколько с нас?

– Это другое дело, – заулыбался проводник. – Пятьдесят долларов.

Фотограф, уже собравшийся покинуть данный разговор и саму поляну, на которой он проходил, остановился, занеся над головой руку. Казалось, Гоша готовится рубануть воздух кулаком, но пальцы только выровнялись, и он провёл ладонью по щеке.

– Шутите? – спросил фотограф, опережая мой вопрос. Признаюсь, меня интересовало то же самое.

– Нет, – спокойно сказал проводник, достав из кармана сигарету. Прикурив и выпустив вверх струю дыма, он, не до-

ждавшись наших дальнейших действий, похлопал себя по карману. – Любая работа должна оплачиваться. Таков закон. В этих краях он действует безоговорочно.

Я полез во внутренний карман куртки, вспоминая сколько денег брал с собой. Обычно, я много не ношу, но сегодняшний день обещал быть непредсказуемым, так что около сотни долларов в переводе в национальную валюту, скрепя сердце, взял с собой в дорогу. Понятно, уже была оплата таксисту, да и названная сумма не была для меня особо критичной, но я ещё не знал, как мы будем возвращаться назад. Поторговаться?

– Но мы же... да, мы не договаривались о цене. Ладно, наша ошибка, но скиньте хоть немного, всё равно вы нам ничего дельного не рассказали.

– Да как же «не рассказал»? – развёл руки проводник. – Вот у девушки своей спросите, понравились ей мои истории или нет.

Лена тоже развела руки, но не так широко и не так картинно, как это сделал Александр.

Я отсчитал несколько купюр и протянул их проводнику. Они моментально исчезли в его кармане, вырываемые из моих крепко сжатых пальцев. Казалось, деньги должны порваться при таком усилии, но бумага выдержала жадность нашего нового знакомого. Мысль, что цена названа осень завышенной, продолжала биться в моей голове ещё несколько секунд, и улетела вслед за проводником, резко повернувше-

муся к нам спиной.

– Ну, смотрите, – проговорил он, удаляясь. – Я вас предупредил.

Мы молча смотрели на его спину, пока он вышагивал прочь. Чувство обмана давило, но я, как и всякий раз, убедил себя, что это была не самая большая утрата в жизни.

Гоша снова поднял вверх руку, но также опустил её вниз. Молчаливое негодование скрывало его нервную натуру. Лена рассказывала, что в детстве, он чуть не убил в драке мальчишку со двора. После того раза, Гоша пообещал всем, а главное – себе, держать гнев в руках. Не знаю, насколько удачно у него это получалось, но сегодняшний день вселял уверенность в его силу духа.

Выругавшись шёпотом, фотограф посмотрел на нас и произнёс фразу, звучащую логичной после происшедшего.

– А вам не кажется, что вся эта история с Валиком и Васькой разыгрывалась чисто для нас? Что все они, посматривая из окон, наслаждались зрелищем, пока мы смотрели на душевнобольного парня и обивали пороги магазина? Странная деревушка... Да и люди здесь того... Странные...

Гоша повернулся в сторону поля и достал из кармана телефон. Я, повернувшись к Лене, засунул руки с карманы.

– Что ты думаешь насчёт всего этого?

Девушка, молчала, только лёгкая улыбка светилась на её губах. Что она думает? Да она довольна! Причём наслаждается моментом в полной мере!

Сделав два шага в мою сторону, она аккуратно свалилась на меня. Пришлось рывком доставать руки, чтобы не уронить в снег свою возлюбленную. Её глаза посмотрели в мои, и наши губы встретились. Лена, так и не прекратившая улыбаться, зашептала мне в ухо:

– Всё просто супер! Проводник странный, деревня странная... именно так я всё себе и представляла. Теперь бы дерево не разочаровало! Но, как мне кажется, ему это будет сделать очень сложно.

– Эй, голубки, – позвал нас Гоша, – хорош ворковать. Навигатор говорит, что через пять минут мы будем на месте. Если, конечно, вы не передумали...

– Гога, – повернувшись к брату, сказала Лена, – сейчас меня не остановить. Веди нас, Сусанин.

– Типа ты дорогу не знаешь... – подмигнул я Лене.

– Конечно знаю. Но ему так приятнее будет.

Гоша пошёл к виднеющейся впереди тропинке. Она заворачивала влево, устремляясь по небольшому холму в сторону нашей цели. Посреди тропинки была прибита фанера. Криво обрезанная, со следами трещин по всей поверхности, она являлась пресловутой табличкой, предупреждающей путников об опасности. Сухое бревно, не менее десяти сантиметров в диаметре, служило ей основанием. На нём не было даже следов от коры, а в нескольких местах можно было рассмотреть непонятные надписи, вырезанные ножами. У самого основания бревно было полито чем-то красным и ме-

ня передёрнуло от мысли, что это может быть кровь. Надпись на табличке, нанесённая синей краской, гласила: «Осторожно! К дубу не ходить! Мы вас предупредили!». Несколько неразборчивых слов тем же почерком, разместились в самом низу. Не знаю почему, но я счёл их угрозами. Неизвестный автор не оставил ни своего имени, ни каких-либо других понятных данных.

На снегу виднелись красные следы от рук. Их было много, и все они были разной величины. Среди них можно было разглядеть и пару детских ладоней. Кто и зачем здесь их оставил – останется загадкой, тем более, проводника мы уже лишились.

Гоша, стоящий ближе всех к табличке, снял с плеча фотоаппарат.

– Думаю, я должен это запечатлеть. Лена, поддержишь сумку?

– Конечно.

Фотоаппарат щёлкнул несколько раз, и Гоша принялся рассматривать результат. Удовлетворённо покивав своим мыслям, он повесил на шею рабочий инструмент.

– Думаю, есть шанс заснять ещё что-то интересное, – подмигнув в нашу сторону, фотограф отправился дальше по тропинке.

Лена, поманив меня рукой, пошла за ним следом. Посмотрев ещё пару секунд на табличку, я отправился за своей невестой, рассматривая впереди бесконечную снежную даль.

Дуб вынырнул как-то неожиданно. Причём назвать его появление другим словом я не мог. Взобравшись на небольшой холм, мы оказались перед равнинной местностью, а в полусотне метров от нас стоял он – дуб висельника. Вживую он выглядел ещё более устрашающе, чем на фотографиях, показанных Леной. По правде говоря, он вообще не был страшным на виденных мною снимках. Сейчас мы смотрели на огромное дерево, казавшееся необъёмным даже с такого расстояния. Чёрный ствол, выделялся на фоне белого снега, рождая красивый контраст. Ветки дерева выглядели перекрученным. Они изгибались в разные стороны, как будто заламываемые руки человека.

Мы стояли на прежнем месте, так и не рискнув сделать первый шаг в направлении цели

– Ничего себе, махина, – выразил общее мнение Гоша. – Тут дров хватит на пару лет. Причём всей деревне.

– Его пытались когда-то спалить, – опомнилась Лена, – но ничего не получилось. Исследователи путаются в случившемся. Кто-то говорит, что человек сам вспыхнул и моментально превратился в пепел. По другой версии, блеснула молния, и от несчастного ничего не осталось. Чего вы так смотрите? Есть и более весёлые истории по этому поводу!

Гоша картинно развёл руками.

– Да уж, куда ещё веселее! Оно-то и в молнии ничего загадочного нет. Что говорят твои исследователи про погоду в тот день? Думаю, просто уточнить забыли.

Фотограф тянул улыбку. Да, Гоша известный «Фома неверующий», который ко всему относится прагматично. Но Лена на него не обижалась, о чём свидетельствовали её дальнейшие слова.

– Хорошо, вот вам ещё случай. Человек хотел срубить дуб, но что-то снова пошло не так. Опять ничего точно сказать не получится, но... по самой безобидной версии, его топор просто сломался. Мои самые любимые из странных: вместо того, чтобы рубить дерево, он ударил себя по голове; или версия с разверзшейся под его ногами землёй. В любом случае, ничего хорошего с человеком не произошло.

Мы переглянулись с Гошей. Было бы классно вместе рассмеяться, но получилось немного не так: фотограф смеялся, а я нервно проглатывал ком в горле. Возможно, Гоша смеялся с моей реакции на слова Лены.

Отсмеявшись, он посмотрел на дорогу, ведущую назад в деревню. Продолжая рассматривать путь к отступлению, Гоша, поправив сумку, поинтересовался:

– Пойдём к дубу, вернёмся домой или будем дальше разглагольствовать? Топора у нас нет, да и жечь мы ничего не собираемся. Что скажете?

Вместо слов, Лена пошла вперёд. Тропинка, несмотря на прошедший снег, чётко просматривалась на всём пути, заканчиваясь у дуба. Кто за ней ухаживал или вытапывал для туристов, для меня оставалось загадкой.

Лена, за ней я, а потом и Гоша, через пару минут стояли

в нескольких метрах от дерева. Мы разошлись по сторонам, осматривая древнее растение

– Похоже, его действительно хотели сжечь, – Гоша указывал пальцем на чёрный ствол. – И мне так кажется, что человек, решивший это сделать, успел поднести к дереву огонь.

Лена посмотрела на брата, скорчив злое лицо. Да, рассказ о человеке, убитым молнией, рассыпался на глазах. Хотя, кто говорил, что поджигатель был один?

Я обратил внимание на две ветки, так заинтересовавшие меня при просмотре фотографий. Эти две мощные «виселицы» смотрели в разные стороны, намекая путешественникам о своём предназначении. Они шли почти горизонтально земле, и в некоторых местах можно было хорошо различить следы от верёвок, когда-то перетиравших кору. На дальней от меня ветке, всё ещё висел маленький кусок, изъеденный погодой и превращённый ею в непонятный лоскуток. Не верится, что он висит здесь ещё со времён висельников. Скорее всего, это созданный местными жителями элемент устрашения людей и укрепления легенды.

Странными мне показались и остальные ветки дерева. На них без проблем можно было рассмотреть большие колючки, являющиеся нетипичными для этого растения. Я сделал несколько шагов поближе, чтобы рассмотреть интересный феномен.

Сзади раздался голос Гоши:

– Разве у дуба бывают колючки? – спрашивал он, шагая

у меня за спиной. – Первый раз такое вижу. Хотя, смею вам признаться, за свою жизнь я видел не так много дубов.

– Ага, я тоже, – засмеялась Лена, рассматривая место, куда лучше скинуть куртку. – В городе сейчас можно встретить только двуногих «дубов». Но, правда, их там не мало. Миша, давай я в сумку вещи уберу, заодно и переоденусь.

Я поставил сумку на снег, приоткрыв змейку. Лена стала перебирать вещи, подбирая подходящий наряд. Она взяла с собой несколько платьев и белую шубку, пообещав мне, не заниматься примеркой всего гардероба на улице.

– Странное дерево, – размышлял Гоша, раскладывая на подстилку свои вещи. – В огне не горит, топора не боится. Теперь ещё колючки. Не дуб, а сказочное растение-убийца.

– Я же говорила, что это непростое дерево, – отозвалась Лена, поправляя красное обтягивающее платье.

Собираясь в дорогу, я волновался, чтоб моя будущая жена ничего себе не отморозила. Рассматривая приготовленные вещи, я грел чай, наполняя термос, поэтому сейчас в моей руке появилась походная кружка, готовая наполниться горячим ароматным напитком.

– И всё же, какие длинные колючки, – качнул головой Гоша, направляя на дерево фотоаппарат. – Скажу вам честно, ни в одной стране мне не встречалось дерево с таким грозным оружием. Так они ещё и толстые...

Лена подошла к дереву и положила на него ладонь.

– Ну, все путешественники отмечали этот момент с удив-

лением, но мне казалось, что они не могут быть такими большими.

Посмотрев на сестру и оценив её готовность, Гоша направил на неё фотоаппарат. Его работа началась. Да что там... она просто кипела! Фотограф, всегда казавшийся мне неповоротливым человеком, нарезал круги вокруг Лены, принимая различные причудливые позы. Я не видел Гошу полным, но Лена утверждает, подкрепляя свои слова старыми снимками, что в детстве он был довольно пухлым мальчишкой. Сейчас от его прошлого веса остались только тяжёлая походка и медлительное спокойствие в некоторых делах.

Но сейчас он летал! Он падал! Он вытягивался вверх, оказываясь на самих кончиках громоздких ботинок, и, почти моментально приседал на снег, стараясь застать модель врасплох.

Отойдя в сторону, я налил в чашку чай. Не хотелось стоять просто так, но мешать делу мастера я не собирался, поэтому, решив попить чайка, отошёл в сторону по дорожке и снова посмотрел на дерево. Да, оно было действительно огромным! Как мы его не сразу заметили, ведь прямо отсюда было видно табличку, предупреждающую людей об опасности похода к дубу. Я видел забор крайнего дома, видел то место, откуда мы ступили на дорожку, и видел... Валика? Кто-то стоял возле таблички, почти неразличимый на фоне бревна. В руках человека была, как мне показалось, палка, что подталкивало к мысли, что это местный сумасшедший.

Он смотрел в нашу сторону, покачиваясь на поднявшемся ветру. От неожиданности немного чая вылилось из кружки на белоснежный ковёр, нарушая его цветовую идиллию.

Оглянувшись на дуб, я хотел предложить Лене надеть куртку, чтобы резко поднявшийся ветер не уложил её завтра с температурой в постель, но возле дерева никого не было. Мне пришлось подойти поближе, чтобы остановиться возле дуба с приоткрытым ртом: ни сумки с вещами Лены, ни подстилки с оборудованием Гоши на прежнем месте не было. Я был готов поклясться, что несколько секунд назад, слышал их голоса, но сейчас, даже обойдя дуб, я не видел ни малейшего следа их пребывания.

Ноги сами понесли меня на прежнее место. Вот здесь я стоял с чаем... Отсюда смотрел на табличку и человека... Но сейчас возле таблички никого не было, да и следов чая не наблюдалось.

Снова оглянувшись на дуб, я сделал несколько шагов назад. А как по-другому, если всё, что я видел раньше, полностью изменилось, сохранив нетронутым только дерево. Из-за горизонта быстро надвигалась чёрная туча, выстреливающая в землю толстыми молниями. Ветер кружил снегом, создавая вокруг белую пелену. Дерево извивалось, раскачивая на ветвях тела висельников, качающихся в ритме его непонятного танца. Мгновение – и дуб успокаивается, прекратив ужимки и подёргивания, но тела мертвецов всё ещё продолжают болтаться по инерции. Мой взгляд уцепился за лицо пухлой

девушки, найденной повешенной в лифте. Сейчас она спокойно покачивалась на верёвке, заканчивая недавний танец. Недалеко от неё висел парень, выпрыгнувший из окна с петлёй на шее. Лиц было много, и все их узнать я, конечно же, не мог, но одно из них...

На этом дереве висела Лена. Она была одета в свадебное платье, сразу вернув меня к встрече с Валиком.

«Невеста? Моя невеста?» – пронеслось в голове, словно озарение. – «Откуда он знал? Как увидел?»

Вопросы остались без ответа, но мысль о том, что Валик не так прост, появилась и укоренилась окончательно.

Я сделал шаг навстречу Лене, но, снова поднявшийся ветер, остановил мой порыв. Пришлось задержаться, так как в глаза залетал снег, смешанный, как мне показалось, с землёй и пеплом. Когда я отступил назад, стараясь прогнать навязание взмахом руки, ветер уменьшился, и только его тонкий вой остался звучать в ветвях дуба.

Посмотрев на дерево, мне с трудом удалось сдерживать себя на месте, так как картина оставалась прежней. Они все висели, медленно покачиваясь в такт невидимому ветру. Сейчас казалось, что там не меньше полусотни тел, но пересчитывать я не решился. Сюрреализм происходящего наталкивались на мысль, что я вернулся в детство и наблюдаю на маленькой площади своего заводского района новогоднее чудо. Схожесть была не стопроцентная, но фантазия старалась на полную катушку! Вот передо мной уже вовсе и не

дуб, а самая настоящая ёлка, поставленная по указу руководителя района. И болтаются на ней не трупы людей, убитых непонятной мне силой, а новогодние украшения. В моём детстве ёлочные игрушки были настоящими, сделанными из специального стекла, а не те, пластиковые, которыми сейчас завалены все наши супермаркеты. Помню, как мне нравилась блестящая лошадка, подвешенная почти на середине ёлки, и как я хотел себе домой такую же. Отец, невероятными усилиями, смог тогда найти желаемое мною украшение. Естественно, это была игрушка меньшего размера и не очень похожая на висящую у нас на площади, но радость, которую я испытывал в тот момент, так ни разу за всю мою жизнь ко мне не возвращалась. В общем, отец постарался на славу!

Сейчас я смотрел на висящие тела и представлял их такими же лошадками, подвешенными на прекрасной ёлке, установленной перед ДК у нас на районе. Гирлянд, конечно, не хватает, но это не страшно. Страшным являлось то, что среди этих дьявольских игрушек висела и моя будущая жена!

«Спаси! Остановить это безумие!» – пронеслось пулей в голове. Но как? Ветер не пускает, снег с землёй забивают глаза и... и чёрт с ними! Может, он тоже здесь, но стука копыт я ещё мне слышал. Ринувшись вперёд, я шёл к дереву. Земля дрожала под ногами, глаза слипались от поднятого урагана, сердце вырывалось из груди...

Казалось, путь был бесконечным. Я готов поклясться, что преодолел несколько сотен метров, хотя от дуба меня должно

было отделять не более двадцати. Когда ноги подкосились, и я упал на землю, над головой раздался знакомый голос:

– Миша, что с тобой? – Лена тряслась меня за плечо. – Тебе плохо?

– Что ты в термос налил? – задал вопрос Гоша, оказавшийся рядом. – Я тоже хочу напиток, который так сильно валит с ног. Но только после съёмки!

– Миша, посмотри на меня? – Лена присела рядом. Её красное платье опустилось в снег, отчего Гоша вздохнул, раздосадованный испорченной одеждой. Правда, почти мгновенно последовал щелчок фотоаппарата – новый кадр был готов.

Подняв голову, я встретился взглядом с Леной. Её брови взлетели вверх, руки мелко подрагивали, а губы посинели от холода.

– Попей чаю, – не смог ничего более оригинального придумать я.

– Да ну тебя! – засмеялась девушка. – Это не смешно!

Она поднялась на ноги и пошла к дубу.

– А мне понравилось, – засмеялся Гоша. – Он так картинно шёл к нам! словно путник, прорезающий бурю и метель. Малая, а ты не говорила, что он у тебя такой классный актёр! Надо знакомым его посоветовать...

Гоша продолжил снимать. Поднявшись, я стряхнул снег со штанов, пытаюсь найти хоть малейшие следы земли-пепла-пыли, летевших мне в лицо. Нет здесь ничего подобного

– только белый снег, чистый и не загаженный, как это сделано в городе. Оглянувшись назад, я обнаружил термос, лежащий в нескольких метрах от вытоптанной мной площадки. Да, там я пил чай... там я его и пролил, о чём свидетельствовало пятно на снегу. Всё-таки подпортить снежок мне удалось... Боясь повторения увиденного, я пошёл назад, поднося тару с напитком. У расположившейся на выходе из посёлка таблички, никогда сейчас не было. Оставалось только догадываться, было ли всё это взаправду, или мне пора обратиться к врачу?

Я посмотрел в сторону дерева и увидел нечто страшное. Нет, Лена не висела на верёвке, но её шея была согнута в сторону, отчего казалось, что позвонки в ней переломаны невидимой петлёй. Девушка решила, что такое фото у дуба висельника будет как нельзя кстати. А Гоша, добрая душа, крутился вокруг с фотоаппаратом, делая интересные для сестры снимки.

Неужели никто из них не видел ураган? А висельников? Если бы Лена видела то, что видел я, готов поклясться, что она нашла бы меня, висящим на ветках среди колючек! Возможно, моё место в петле занял бы Гоша, но это уже заговорили попытки спасти себя от смерти.

Что там теперь должно произойти? Люди на снимках видели что-то на дереве, а потом умирали от вполне понятных причин. Похоже, мне пора покупать гроб и писать завещание.

Но умирали даже те, кто фотографировал очевидцев массовой смерти! Неужели Гоша и Лена теперь тоже должны умереть? И это всё из-за того, что я увидел на дереве?

Стоп! Повесившиеся парень и девушка показывали фотографиям на дуб! А это значит, что они видели своих спутников живыми! В моём случае, я вообще не видел Гошу... Что это значит? Не знаю, но точно уверен, что пора выпить чаю и расслабить мозг.

Говорить Гоше с Леной об увиденном я не решился – пусть нервы поберегут. Тем более, я точно не имею планов на суицид, поэтому втянуть меня в петлю будет сложно. А увиденное... Ну, Гоша – не поверит, а Лена – забеспокоится. Теперь нужно не сводить с неё глаз в ближайшую неделю. Вот только готов ли мой начальник предоставить отпуск во время затяжного проекта?

Фотографии получились великолепными! Рассказывая про удачную фотосессию и делая непонятные движения руками, Гоша отмечал их сильные стороны, перелистывая снимки на ноутбуке. Ему нравилось освещение, красное платье на фоне снега и чёрного дуба, позы Лены и её гибкость.

Мы сидели у нас дома, попивая чай на кухне. Лена надела домашний халат и топая босыми ногами по кафелю, раскладывала по тарелкам печенье. Я смотрел в одну точку на стене, рассматривая рисунок на плитке.

Дорога назад не заняла много времени. Потратив на съёмку не более часа, мы вернулись на трассу тем же маршрутом вдоль магазина. Из его окошка за нами наблюдали, о чём-то рассказывая друг другу, Александр и тощая продавщица. Мне казалось, они обсуждают нашу дальнейшую судьбу. Такси вызвали, пройдя магазин, и в тот момент, когда мы подходили к оговоренное месту посадки, машина уже выезжала из-за поворота.

Лена с Гошей всю дорогу к дому обсуждали фотосессию. Потом слова про свет, оттенки и фон, Гоша повторит у нас дома, но на тот момент, я слышал их, как из другого мира. Фотографа нельзя назвать тихим человеком, но его голос доносился отдалённым, прорывающимся в моё сознание отку-

да-то издалека.

«Замечательно склонила голову...» – говорил он, скорее всего, указывая на испугавшую меня позу. – «Просто великолепно... золотистые волосы на фоне обгоревшей коры... изгиб рук и пальцев...»

Гоша говорил и говорил, не умолкая всю дорогу, временами, давая Лене вставить короткие фразы. А я слушал... и не слышал...

Только слова водителя, прозвучавшие, как будто между прочим, врезались в мой слух и зависли надолго в голове. Вряд ли Гоша обратил на них внимание.

– Ох и глупцы, – спокойно сказал мужчина, поглядывая в зеркало заднего вида. Я сидел рядом с ним и мне не составило особого труда повернуть к нему голову. Водитель ухмылялся, а на его лице отображалось понимание происходящего. Так смотрит учитель на нерадивого ученика, не способного понять простую науку.

«Ага... глупцы», – подумал я, отворачиваясь в сторону окна.

Сейчас, сидя на кухне, я снова думал, что мы... ну, может и не глупцы... но совершили большую ошибку. И я, как агнец, пошёл на заклание вместе со своей невестой и её сводным братом. Чего теперь ожидать? Валик упомянул какого-то Ваську. То есть, за нами должен прийти человек? Ну не может же демон носить такое простое имя? Или может? Так, какие имена демонов я помню? Сатана? Нет, это кто-

то вроде их отца... Бука? Ага, Бяка... Это что-то из разряда американских фильмов. Да уж, не силен я в этой науке, но и «Васька» звучит довольно странно. Лену точно знает парочку имён, но говорить на подобные темы я ещё не готов.

– Ты здесь? – поцелуй вернул меня в реальность.

– Что?

– Я спрашиваю, где ты витаешь? – девушки села мне на колени, обняв за шею.

– Да так... Задумался о работе. Что у вас?

– У нас... – начала Лена, но тут же была перебита Гошей.

– А у нас всё очень классно! Фотки – супер! Модель – высший класс! Атмосфера ужаса – это вообще полезно для подобных снимков. И только ты... Мужчина, что с вами?

Гоша рассмеялся, отправляя в мойку опустевшую чашку. Он жевал печенье, пританцовывая в розовых носках и размахивая пальцами в такт одному ему слышимым мелодиям.

– Он весь в работе, – засмеялась Лена, вскакивая с моих коленей. – Мише выдали неделю назад очень крупный проект, он даже думал отказаться от поездки к дубу, но ради меня согласился.

– Да? – взмахнул руками Гоша. – Какой джентльмен! А я грешным делом подумал, что он постоянно боится.

– Гога, – спокойно проронила Лена, посмотрев на брата

– Ой, да ладно вам – с кем не бывает. Короче, туфта ваш дуб. Страшной является только легенда про него. Экскурсовод, тот вообще дурак. Валик – местный псих – тот по жиз-

ни дурак. Да, зная весь тот бред, что рассказывают про это место, испугаться можно, но... Короче, Миша, забей на всё это. Там нет ничего страшного... кроме больных на голову жителей. Не удивлюсь, если у них создана группа, целью которой является запугивание туристов. Представляете, выходите утром на работу, а под подъездом экскурсовод с топором стоит! Я бы обделался... Возможно, через пару недель таких встреч, меня пришлось бы доставать из петли. Короче, Лена, я побежал.

Гоша похлопал меня по плечу и вышел из кухни. Лена последовала за ним, провожая брата, напевающего себе что-то под нос. Я понимаю, что он хотел поддержать меня своим похлопыванием, но вряд ли фотограф осознавал причину моего расстройства.

Лена вернулась через полминуты после щелчка двери. Она села на стул и засмеялась.

– Класс! Как я давно мечтала об этой фотосессии!

– Ага... класс... – пожал я плечами, улыбнувшись через силу.

– Такая атмосфера! – как ни в чём не бывало, продолжала моя невеста. – Такой чистый снег! В городе такого не увидишь. А сам дуб! Миша, ты видел раньше что-либо подобное? Какой он огромный! А эти непонятные колючки! Миша, ты меня слышишь?

Я повернулся к Лене и пожал плечами.

– Слушаю... Дуб, колючки, снег – всё классно...

– Ты не заболел, случайно, – Лена встала со своего места и подошла, чтобы потрогать мой лоб. – Вроде, не горячий. Тогда что с тобой?

– Да так, ничего, – отмахнулся я, стараясь не смотреть ей в глаза. – Мысли о работе... Да и устал я...

– Миша, ты что-то видел? Скажи мне. Ты же знаешь, насколько для меня это важно!

Пугать Лену не хотелось. Но для неё это было так «важно»! А что важно для меня?

– Нет, что ты, – заулыбался я самой искусственной улыбкой, на которую только был способен. – Этот Валик... И проводник непонятный... Понимаешь, пришлось отдать деньги ни за что. К тому же, всё это оказалось просто выдумками, и никто из нас ничего страшного там не видел. Но Валик... Понимаешь, он меня обнадёжил. Я поверил в эту страшную сказку, такую важную для тебя. Обидно, понимаешь, вот просто обидно и всё тут!

Лена рассмеялась. Ну, это для меня было приемлемо. Пусть радуется и не думает ни о чём плохом. Я постараюсь выжить и не дать непонятному Ваське в руки, как бы сильно в него не верил Валик. Главное, защитить её. Ещё остаётся вопрос, что делать с Гошей, но эти проблемы мы постараемся тоже решить.

Я прижался к девушке, и заулыбался. В этот раз искренне, так как в моей голове созрел план по спасению.

– Прости что смеюсь, – Лена, продолжая стоять рядом,

прижала мою голову к себе. – Я тоже рассчитывала на большее от поездки, но всё это оказалось банальной выдумкой. Может сходим сегодня в кафе? Так сказать, обмоем сегодняшнюю удачную фотосессию?

– Конечно! – я даже подпрыгнул на стуле. Вот оно! Мой шанс на спасение сам идёт в руки. – У меня есть даже более заманчивое предложение. Ты можешь Гошу позвать с нами? У меня есть идея, появившаяся после этой зимней съёмки, и, думаю, она ему понравится.

Лена отошла в сторону и наклонив голову, прищурился глаза.

– Сидоров, что ты задумал?

– Возможно, самое романтическое предложение в моей жизни!

Я гордо выпятил грудь, но Лена в шутку стукнула меня по ней ладонью. Пришлось выдохнуть набранный воздух и, покашливая, качать головой.

– Сидоров, я почти замужняя женщина. А если узнает мой жених? – она засмеялась на этой фразе. – Что ты задумал?

– Ничего плохого, – сквозь тяжесть на душе я засмеялся. – Ну, прекрасная незнакомка, пока вы не замужем, я приглашаю вас в свою спальню. Вот там мы и узнаем мои планы на ближайшее время.

Лена смеялась пока я её нёс на руках. Мне удалось расслабиться в постели, но накотившая слабость резко потянула в сон. Сквозь закрытые веки я слышал удар палкой об лавоч-

ку и смех Валика. Они были далёкими и неважными, ведь скоро мы спасёмся, и никакой Васька нам не будет страшен. Нужно уехать отсюда на время и быть постоянно друг у друга на виду. А ещё люди. Их должно быть вокруг много, тогда никакая тёмная сила нам не страшна.

Сквозь сон я услышал незнакомый голос. Он пробасил рядом со мной, но сил открыть глаза уже не было.

– Нет спасения для пришедших на алтарь. Их души пойдут в пищу Дьяволу, а тела на корм червям. И память о них развеет ветер...

Звук босых ног ворвался в сознание, всё ещё находящееся в плену Морфея. Кто-то ходил рядом, но я лежал к нему спиной, а сильная усталость после поездки и занятия любовью, не давала повернуться и посмотреть на ходившего. В итоге, я провалился в сон, кажущийся таким спасительным и необходимым в данную минуту.

А, может, это просто страх... но думать об этом уже не хотелось.

В комнате было темно. Я открыл глаза и подумал, что на улице ночь. Лены рядом не было, но на кухне раздавался звон посуды, так что я, успокоившись, снова упал на подушку.

Пришлось потратить немало усилий, чтобы успокоить заколотившееся сердце. В голове кружилась мысль, натыкающаяся на внутренний блок, так усердно мешающий ей сформироваться в понимание того...

Чёрт! Проклятие дуба! Лена! Гоша!

Я рывком подскочил с кровати и побежал на кухню. Как я мог уснуть? Как мог всё проспять? А мой план? Ведь я должен всех спасти! Я же герой! Супермен харьковского разлива!

Насколько бывает быстрой мысль, если тебе надо проклясть себя и всё своё существование? Скажу честно, я сейчас это осознал и уловил настолько ясно, что самому стало не по себе. До кухни я бежал не больше секунды, но успел обдумать всё выше сказанное, а также увидеть себя в петле и Лену в траурном платье.

Но на кухне меня ждал «облом». Хотя, лучше его назвать радостью, так как моя невеста стояла рядом с кухонным столом и нарезала на досточке капусту. Тарелка для салата сто-

яла рядом с тетрадь, расположившейся у края стола. Как я понял, Лена что-то писала, а сейчас решила перекусить. Я посмотрел на часы на микроволновой печи, и не поверил своим глазам: мы проспали только полчаса. Точнее, столько проспал я, а Лена, похоже, уже некоторое время занимается своими делами.

За время моего сна небо затянуло такими тучами, что видимая часть города погрузилась во тьму. Сейчас было всего около трёх часов дня, а значит, даже с момента ухода Гоши прошло не более полутора часов. Надо же, а я уже успел поспать, умереть и снова воскреснуть.

Лена продолжала делать салат, не замечая моего присутствия. Мысль о том, что я стал настоящим призраком и вернулся на землю доделать свои дела, возникла, как логичное объяснение происходящему. Оглядев себя и не найдя классической белой простыни, я кашлянул, привлекая внимание. Ноль эмоций – Лена продолжала нарезать капусту, не замечая моего присутствия.

– Меня покормишь, – задал я вопрос, помахав рукой.

Девушка остановилась, замерев на одном месте. Затем, медленно подняв голову посмотрела в мою сторону. Мне пришлось приложить немалых усилий, чтоб не закричать, ведь глаза Лены были полностью белыми, а на шее явно виднелся красный след.

– Ты что-то сказал? – спросила девушка бесплотным голосом. – Я отвлеклась от жизни... или от смерти... не важ-

но...

И снова опустив вниз лицо, Лена продолжила нарезать салат.

Я стоял на пороге кухни, ухватившись руками за дверной проём. Ноги подгибались, норовя согнуться и опустить моё брненное тело на пол. Справившись с трясущейся челюстью, я оторвал одну руку от тёплого дерева и провёл по небритому лицу.

– Лена, что с тобой?

– В смысле? – посмотрела на меня привычным взглядом девушка. – Салат делаю. Ты будешь?

Мой голос задрожал, но я не понял от чего именно.

– Конечно... нарежь и для меня. Ты как себя чувствуешь? – я сел на стул и продолжил рассматривать её лицо. Всё в нём было привычным, и ставшим родным за несколько лет. След на шее пропал, показывая через вырез в халате белоснежную кожу.

– Всё в порядке. Представляешь, проспала минут десять, но так отдохнула! Правда, проснулась голодной и решила что-то приготовить. К тому же, пока не забыла, решила записать несколько мыслей насчёт посещения дуба. Пусть люди знают, что ничего страшного в этом нет. Хотя, может подождать ещё пару дней? Как думаешь? Проклятье ведь действует не сразу.

– Ага, давай подождём, – мне пришлось сглотнуть очень вязкую слюну. – Кстати о паре дней... Есть у меня одно пред-

ложение для тебя и Гоши. И мне кажется, что вы не сможете перед ним устоять.

Лена отложила в сторону нож и отправила капусту в глубокую салатницу. Следом последовали приправы и ароматизированное травами масло. Она продолжала заниматься своими делами, не обращая внимания на мои слова. Это было странно для Лены, и я решил продолжить.

– Давайте поедем в тёплые страны. Ну его, этот снег. Может махнём в Египет или Турцию... Или где там сейчас тепло?

– Да, странно всё это, – спокойно проговорила Лена, доставая вилку и усаживаясь за стол. – Одна из самых реальных легенд оказалась выдумкой. Придётся искать себе новое увлечение...

– Вот! И я про то же! Поехали отдохнём, наберёмся сил и решим, чем заниматься дальше. Предлагаю поехать втроём, так сказать всей компанией, которая переломила ход этой легенды. Согласна?

Лена, отправляя в рот первую порцию салата, махнула рукой. Она отодвинула в сторону тетрадь и показала на неё пальцем.

– Я согласна, а вот Гоша... У него много работы, он может отказаться. Хотя, я постараюсь найти к нему подход. Почитай, что там у меня получилось. По-моему, весьма разоблачительно. Ой, забыла тебе салата насыпать.

Она поднялась из-за стола и принесла мне тарелку. На-

блюдая за её действиями, я смотрел в тетрадь и почувствовал, как руки начали леденеть. Прямо на меня смотрело нарисованное дерево, с ветвей которого свисали несколько петель, а в них висели криво нарисованные человечки. Рядом шёл текст, который дополнял картину, окончательно вводя меня в ступор.

«Это очень странное дерево», – писала Лена, выводя буквы привычным ровным почерком отличницы. – «Его ветки укрыты колючками, чего, в нашем понимании, не может быть. У самой земли видны следы от поджога, но сам дуб от этого не пострадал. Как пишут в сети, его кто-то пытался срубить, о чём свидетельствуют глубокие раны на коре. За всё время нашего пребывания у дерева не произошло ничего невероятного...»

Дальше обычный почерк Лены превратился в странные и кривые буквы.

«Нет спасения для пришедших на алтарь. Их души пойдут в пищу Дьяволу, а тела на корм червям. И память о них развеет ветер...»

Я медленно приподнял взгляд. Было страшно снова увидеть Лену с белыми глазами, но с девушкой всё было в порядке. Она сидела на своём месте, перемешивая вилкой салат, а весь её вид намекал на то, что ей не интересна еда и она чего-то ждёт. Я понимал, что мой ответ, застывший на губах, является важнее еды.

Отодвинув тетрадь в сторону, я откинулся на стуле. Не

понимая мою реакцию, Лена засмеялась.

– Думаешь, через чур пафосно?

Я провёл рукой по лицу. Пафосно? Ну, как сказать... Особенно этот странный почерк...

– Лена, про какой алтарь ты пишешь?

Пришла очередь удивляться моей невесте. Она потянула к себе тетрадь, не понимая моих слов.

– Ты о чём? Какой алтарь? Миша, ты меня пугаешь?

– А ты сама посмотри. Там, внизу.

Повисла тишина. Лена рассматривала тетрадь, читая написанное кривым почерком.

– Что это? – спросила она через полминуты. – Откуда здесь это?

– Вот ты мне и скажи. Ты одна была на кухне?

– Миша, что за намёки?

– Я не о том... Так... стоп... Давай спрошу по-другому.

Это ты писала?

– Да! – возглас содержал в себе больше удивления, чем уверенности. – Точнее, нет... не знаю... Дерево рисовала я. Человечков тоже. Текст наверху мой, но внизу... Миша, это не смешно! Когда ты это написал?

– А ты видела, чтоб я что-то писал? – я ожидал чего угодно, но не обвинений в свой адрес. – Ты протянула мне тетрадь, я начал читать и... и испугался.

– Тогда кто это писал?

Лена смотрела на меня таким взглядом, как будто и вправ-

ду верила, что надпись внизу – моих рук дело. Наверное, тот, кто ходил рядом с нашей кроватью, а потом произнёс эту фразу.

На холодильнике что-то задрезжалось. Мы с Леной дёрнулись, уставившись на технику, как на неизвестного монстра. Звук шёл с самого верха, отчего дребезжала маленькая ваза с декоративным цветком, поставленная для красоты наверх холодильника. Когда я уже был готов подняться на разборки с невидимым врагом, Лена засмеялась и кинулась к холодильнику.

– Это мой телефон. Я его на вибрацию поставила, чтоб тебя не разбудить.

Выдохнув, я смотрел как девушка берёт с крышки холодильника дорогой девайс и, не переставая улыбаться, показывает мне его экран.

– Мама? – недоумённо спросил я.

– Да, – пожала плечами Лена. – То её на беседу по телефону не уговорить, то сама звонит. И пусть после этого ещё хоть раз мне скажет, что телефоны лишают нас живого семейного общения.

Лена глотнула воды из стакана и приняла звонок. Придвинув к себе тетрадь, я уставился на кривые буквы и страшное предсказание, услышанное мною перед сном. Алтарь... О чём это?

Лена не успела ничего сказать, продолжая стоять с открытым ртом. Из динамика изливались крик и плач, несущие

страшную информацию. Несмотря на тишину кухни, мне удалось разобрать не все слова, но и услышанного хватало, для создания безрадостной картины: Гоша в больнице, его состояние тяжёлое.

«Нет спасения для пришедших на алтарь...»

Мы неслись в такси в сторону неотложки. Туда Гошу привезли друзья, чудом уцелевшие в аварии. Здесь же нас ждали их с Леной родственники, не находящие себе места от волнения.

Брат Лены поехал в гости. Там ему тоже предстояла небольшая работа и он надеялся весь следующий день отдыхать. Рассевшись с друзьями по машинам, вся компания отправилась на прогулку по ночному городу. Никто из них даже предположить не мог, чем для них закончится обычная поездка. Они ещё не успели далеко отъехать от дома, как дорогая иномарка на большой скорости влетела именно в ту машину, в которой сидел Гоша. И должно было именно так произойти, что удар пришелся в ту дверь, за которой сидел фотограф...

Я не видел, в каком состоянии была машина, но я увидел Гошу... Он лежал в палате, подключенный к непонятным приборам. Что-то пикало, трещало, подмигивало различными лампочками – жуткая картина, когда твой друг или родственник лежит на грязной койке в просторной палате. Рядом ещё несколько кроватей и все они заняты, и у всех их что-то также трещит и плачет. Нам разрешили зайти, так как Гоша мог в любую минуту умереть. Врачи сделали всё воз-

можно, но часть его внутренних органов просто разорвало от удара. Сложно было понять, почему он ещё жив, но это его подвешенное состояние вселяло в родственников надежду.

Лена бросилась к брату, но несколько крепких рук остановили её порыв. Я видел слёзы, текущие по щекам моей невесты и всё старался понять: говорить про увиденное у дуба или нет? Больше всего меня пугал вариант, при котором девушка начнёт винить во всём себя, как инициатора поездки в проклятое место. Если промолчать, то я теряю возможность увезти её из страны и спрятать от глаз неизвестного Васьки. Учитывая состояние Гоши, впереди у нас похороны и...

За окном поднялся сильный ветер. Снег мело с такой силой, что я перестал видеть фонарь на улице, освещавший небольшую стоянку у больницы. В окно пару раз ударило, и в палате мигнул свет. Все, собравшиеся в помещении, дёрнулись, когда запищали медицинские приборы. Несколько человек, лежащих на кроватях, в один момент выгнулись, как от удара электрическим током. Гоша повторил то же самое движение, упёршись головой в подушку, а ногами в быльце кровати. Он застонал, дополняя всеобщую какофонию, царившую в просторном помещении. Откуда-то из коридора раздавались голоса медперсонала, несущегося на помощь пациентам, но я слышал только один, ярко выделяющийся среди перепуганных возгласов больных и посетителей.

«...их души пойдут в пищу Дьяволу, а тела на корм червям. И память о них развеет ветер...»

Свет погас. В палате стало так темно, что невозможно было рассмотреть даже мигание приборов. Я не понимал, как такое возможно, пока не услышал странный звук за своей спиной. Хотя, почему странный? С таким звуком ходят босыми ногами по полу, а здесь в больнице босоногих людей хватает. Я уже собрался посмотреть, кто ходит за мной, но тут слева появилась рука. Она держала чётки, перебираемые измазанными во что-то тёмное пальцами. Меня не удивляло, что я вижу человека, несмотря на непроглядную тьму. Скорее, я не мог понять, почему никто не реагирует на его поход к кровати Гоши. Человек, одетый в мешковатый балахон, вызывающий ассоциации с древними монахами, встал рядом с фотографом. Грязные пальцы начали быстрее перебирать чётки, а с губ незнакомца сорвались слова:

– Смертью помечены все, кто не побоялся ступить на алтарь. Те же, кто насмеялся над ним и кощунствовал – получат своё наказание раньше остальных. Так было, так есть и так будет! Именем первого отрёкшегося и кинувшего вызов, приказываю: иди со мной! Твоя душа теперь пища первого, а тело накормит червей, заждавшихся под моим дубом.

– Васька... – шёпотом сказал я, отступив на шаг. Человек оглянулся в мою сторону, и в его глазах стояла тьма. Именно она изливалась сейчас на всю палату, застилая нам зрение. Я не видел ни Лену, ни её родственников, отчего чувство одиночества нахлынуло с незнакомой ранее силой.

Человек продолжал перебирать чётки, всматриваясь в ме-

ня. Я раньше никогда не задумывался о душе. Многие люди верят в неё, но для меня это было странной надеждой утопающих (читай, умирающих). Хочется верить и надеяться, что за порогом смерти тебя что-то ждёт. Ещё больше хочется верить, что тебя там ждут друзья и родственники, а не просто небытие и сотни килограммов земли. Не думал я о душе и о её наличии в моём теле, но сейчас... Я чувствовал, как что-то дёргается внутри... Оно трепещет, боясь взгляда этого человека. Его рот, спрятанный за улыбкой, зашевелился, выглядя очень комично, если бы не ситуация вокруг. Тьма разрасталась, выходя из его глаз и падая на пол. Она наполнила мне на ноги, отчего холод пробирал всё тело. Человек продолжал шевелить губами, а, затем, вскинул вверх руки. Гоша снова дёрнулся и упал на кровать, а в руке Васьки была душа фотографа, извивающаяся и безликая.

Я никогда раньше не присутствовал при смерти человека. Говорят, какими-то непонятными разуму приборами, смогли засечь энергетический всплеск возле умирающего, из чего был сделан вывод о вылетевшей душе. Я в это не верил, пока не увидел непонятную субстанцию в руке монаха. Васька улыбался, и этого не могла скрыть широкая борода. Он поднял вверх душу одной рукой, а второй сначала указал вниз, а, затем, вскинул руку вверх. Мне стало холоднее, ведь сейчас вокруг меня не было палаты, а только снежная равнина со знакомым дубом. Васька разжал руку и душа поднялась вверх, зацепившись за ветку дерева. Там Гоша и остался ви-

сеть, извиваясь от непонятной мне боли и колышась на ветру. Рядом с ним висели другие души. На мгновения их лица проявились, и я смог разглядеть парня, вывесившегося из окна. На шеях у всех несчастных оказались верёвки, но они были, как атрибут, как данность этому месту, названному в честь... В честь кого? Почему я не спрашивал у Лены об этом? Если выживу – обязательно поинтересуюсь...

Человек, стоящий под деревом, ударил по нему посохом. Я готов поклясться, что именно такой я видел у местного сумасшедшего. Неужели Валик и Васька – один и тот же человек (или демон)? От этого удара затряслась дорога под ногами. Мне пришлось упасть на колени и одной рукой упереться в землю. Всё вокруг колебалось, а души (тела?), висящие на дереве, закачались с такой силой, что я уже был готов увидеть, как их сорвёт с места и унесёт в сторону разверзшейся вдалеке земли. Оттуда начали появляться огромные горящие рога, раскачивающиеся в такт всему в округе.

Человек под деревом рассмеялся, указав на меня посохом. Он рычал, перекрикивая ветер, отчего мои ноги отнялись, а руки отказывались поднимать тело вертикально, боясь оттолкнуться от земли.

– Нет спасения для пришедших на алтарь. Их души пойдут в пищу Дьяволу, а тела на корм червям. И память о них развеет ветер!

Я так и стоял, почти на четвереньках, одной рукой прикрываясь от летящего в лицо снега. Васька смеялся, продол-

жая показывать посохом в мою сторону, а хозяин рогов показал свою лысину. Перед глазами что-то вспыхнуло, и я оказался снова в палате. Свет горел, но не так ярко, намекая на аварийное освещение. Родственники Гоши столпились у его кровати, откуда их тщетно пытались отогнать врачи и медсёстры. Они старались реанимировать фотографа, но тот продолжал лежать, уставившись закатившимися глазами внутрь своей черепной коробки. Прямая линия продолжала утверждать, что его сердце остаётся безжизненным, а душа... Она теперь висит на дереве, возле которого ещё сегодня Гоша фотографировал мою невесту.

Лену успокаивали родители. Сама Лена уговаривала их не беспокоиться, утверждая, что врачи всё смогут... что они спасут её брата. Сомневаюсь, что кто-либо из них верил в свои слова.

Я так и стоял на коленях на полу, одной рукой опёршись о затёртый линолеум, продолжая прикрываться от несуществующего здесь снега. Представляю, как это смотрелось со стороны, но в данный момент моё положение никого не интересовало. Сзади что-то шумело, раздавались крики, а я смотрел вперёд, выскивая взглядом Ваську.

Странного бородача здесь не было. Из потустороннего оставался только Гоша, если его можно было таковым называть.

На моих бахилах лежал снег. Поднявшись, мне пришлось пару раз резко дёрнуть ногами, освобождая их от неуместной

в больнице белой массы. Снег, каплями и маленькими горками, разложился вокруг ботинок, как напоминание о недавних событиях. Оглядываясь по сторонам и выдыхая, как марафонец, я подошёл к кровати и посмотрел на Гошу. Немного посиневшее лицо было направлено точно в потолок, а губы скривились от боли (или ужаса?). Не знаю, видел ли он то, что недавно здесь наблюдал я, но смотреть на фотографа было больно. Ощущение того, что он отлично понимает, что с ним произошло, намертво засело в мою голову. Душа, в которую я раньше не верил, ушла за странным бородатым Васькой, а хозяин острых рогов, уже давно заждался вкусной трапезы.

Что я такое говорю? Вот Лена, и мне её надо спасать! Я не смог помочь Гоше, но свою невесту я обязан вытащить из петли. Чёрт! Какая петля!

«Миша, опомнись», – кричал внутренний голос, – «такого не бывает!»

Он кричал, а сознание твердило совсем другое, вырисовывая перед глазами слова кривыми буквами:

«...нет спасения для пришедших на алтарь. Их души пойдут в пищу Дьяволу, а тела на корм червям. И память о них развеет ветер...»

Два дня до похорон Гоши я не отходил от Лены. Пришлось взять отпуск за свой счёт, но жизнь любимой стоила дороже потерянной зарплаты. Естественно, уехать в тёплые страны нам не удалось, так как семейный долг, облачённый в траурный саван, взывал к тяжёлой оплате.

Все эти дни Лена ходила, как привидение: она была тихой и молчаливой, временами, пугая меня бледным видом. Ничего странного больше не происходило, и я успокоился.

Когда два парня извлекли из катафалка гроб и поставили его на подставки, сильный ветер закружил снег, лежавший до этого тихим белым покрывалом. Соседние могилы, засыпанные им почти до портретов, скрылись в сумасшедшем танце стихии. Лена прижалась к матери, упрятав лицо в её шубу. В данной ситуации я чувствовал себя лишним, но продолжал вместе со всеми ждать финала.

– Может не будем открывать гроб? – спросил кто-то из родственников Лены. – Такой сильный снег... Боюсь, закидает нашего бедного Гошу.

– Так принято, – раздался другой голос. – Мы его больше не увидим, так хоть на прощание посмотреть на парня надо. К тому же, ему не будет ни холодно, ни мокро от снега.

Парни, недавно поставившие перед ямой гроб, перегля-

нулись, пожали плечами и подняли крышку. Гоша лежал в чёрном костюме и с напудренное лицо. Думаю, одежда ему бы не понравилась, а вот наведённый марафет сгодится бы для его вечерней жизни.

Два прежних голоса продолжили говорить, но уже очень тихо, стараясь не мешать извечному покою мертвецов.

Я не видел ни первого, ни второго говорившего, так как мой взгляд был прикован к будущей могиле. Мне вспоминались рога, появившиеся из ямы... Мысль об их хозяине, ждущим пищи из несчастных жертв, заставила поёжиться. Хотя, он уже забрал душу, оставив тело другим страждущим...

Люди подходили, что-то шепча покойному почти в лицо. Кто-то целовал Гошу в лоб, поправляя после своих действий ленточку на его голове. Лена подошла к гробу и около минуты стояла молча. Только слёзы текли по щекам девушки, выдавая её огромное горе. Наклонившись над гробом, она тоже что-то прошептала и поцеловала Гошу в щёку. В тот же момент снег успокоился, прервав творившуюся недавно вакханалию. Думаю, никто этого не заметил. Только я обратил на это внимание, так как вдалеке, на самом выходе с кладбища, промелькнула спина, облачённая в монашескую рясу. Я не забуду этого человека до конца своих дней, сколь долгими им не предстоит быть, и не спутаю его ни с кем. Васька, медленной походкой, исчез за забором, заставив округлиться мои глаза.

– Миша, ты пойдёшь? Миша, что с тобой? – моя будущая

тёща заглядывала прямо в глаза. – Ты Гошеньку увидел?

– Что? – пришлось дёрнуть головой, чтоб согнать наваждение. – Какого Гошеньку?

– Нашего...

Если бы... Хотя, учитывая его нынешнее состояние, лучше и его не видеть. Но прощаться с покойным придётся.

Лена стояла в стороне. Отец держал её под руку и жгучее желание вместо прощания с покойным кинуться к невесте, прожгло мою душу. Я постоял несколько секунд, молча рассматривая Лену, и снова услышал сзади голос:

– Миша, не волнуйся. Так надо...

Действительно, надо... вот только кому? Гоше уже всё равно. Даже его призрак не придёт ко мне в кошмарах, так как бесплотная душа зависла на адском дубе. Душа... зависла. Странная фраза, но она сейчас самая правдивая в нашей недавней истории.

Я шагнул к гробу и остановился рядом. Гоша, с напудренные лицом, лежал молча, сжав губы. Обычно, этот говорливый человек, не замолкал, постоянно о чём-то тараторя. Сейчас его губы, всё ещё искривлённым от боли, выглядели непривычно. Я присмотрелся и увидел на них пудру. Несколько телесных пятнышек красовались на бледных губах. Пару крупниц я разглядел в волосах покойного, удивляясь небрежности собирающих его в последний путь.

По правой щеке текла капля. Меня это не особенно удивило, учитывая недавний снег, но она начинала свой путь из

глаза мёртвого фотографа... Чувство, что Гоша плачет, было глупым и нелогичным, но я наблюдал за каплей, проводив её до уха, с которого она сорвалась на белую подушку. Следом за ней потекла другая, но её цвет мало чем отличался от цвета крови. Красная, тягучая, она тоже добралась до уха, и совершила такой же полёт, как и её предшественница. И в этот момент я заметил его взгляд. Гоша смотрел на меня, продолжая сжимать бледные губы. В его помутневших глазах не было ничего, кроме бесконечной пустоты, недавно выкопанной для него ямы. Они манили меня, притягивая взгляд, отчего я наклонился вперёд.

– А разве его глаза не должны... – начал было я, но тут же осёкся. Вместо морозного кладбища, я стоял в душном помещении, полностью заполненном паром. Находиться в непонятной бане, в шапке, куртке и ботинках не хотелось, но трезвый ум подсказывал, что это всё не на самом деле. Я попытался оглядеться вокруг, но тут же закричал: прямо у меня за спиной стояла Лена, залитая кровью. Где-то капала вода (надеюсь, что это она), белый свет лился с потолка, а прямо на меня смотрели такие-же безжизненные и бездонные глаза-могилы, как и у Гоши. Несколько капель крови упали на меня сверху, но я и не думал смотреть туда. Лена, моя Лена...

– Ты о чём? – снова голос будущей тёщи коснулся слуха. Безжизненные глаза Гоши были в нескольких сантиметрах от моих, и они были закрыты.

«О, Боже! Как я не замечал их такой сильной схожести? Если бы не глаза, то и не понял бы этого», – выровнявшись, я оглянулся назад. Там стояла Лена... живая и невредимая. Её лицо напоминало Гошино, но я старался не думать об этом, ведь именно мертвецки бледное лицо фотографа полностью отражало в себе побледневшее от мороза лицо моей невесты.

– Ни о чём, – пришлось отвернуться, чтоб никто не заметил моего состояния. Хотя, на кладбище и не с такими лицами встретишь людей.

Я отошёл от гроба. В это время старший из бригады могильщиков, посмотрел в сторону родственников.

«Всё», – беззвучно кивнул кто-то из присутствующих, опуская вниз взгляд.

В месте, где царит мир мёртвых, тут же зашевелилась жизнь. Ребята принесли крышку гроба и накрыли ею бывшего знаменитого фотографа. Кто-то зарыдал, кого-то успокаивали, а я смотрел на снег под своими ногами, вспоминая увиденное.

Через пару минут меня дёрнули за рукав и потащили к машинам, место в которых уменьшалось с огромной скоростью – все хотели убраться отсюда, считая свой долг перед покойным выполненным. Я сел в автобус, организованный похоронным бюро. Рядом со мной сидела какая-то дальняя родственница Лены, которую я ни разу не видел. Она сидела возле окна, фотографируя дорогим телефоном кладбище, оставшееся снаружи. Спустя мгновение, фотография улете-

ла в социальные сети. Вот так, современная жизнь диктует новые способы прощания с усопшими.

Через час, опрокидывая в себя очередную рюмку водки, некоторые друзья и родственники Гоши, уже и не помнили, с какой целью здесь собрались. По крайней мере, по их весёлому смеху узнать причину сегодняшнего собрания было невозможно. Свадьба, ей Богу!

Грустными были только мы с Леной. Причём я грустил не из-за нашего настоящего, а от понимания недалёкого будущего.

– Зачем ты взяла меня с собой?.. – мой голос дрожал, а образ Лены в глазах, скрывающих слёзы, двоился.

Я не алкоголик, но сегодня вечером позволил себе приложиться к дорогому напитку из бара. Прошло уже два часа, как мы вернулись с совместных посиделок у родителей Лены, и восемь часов с того момента, как фотограф ушёл под землю на вечный покой... Покой... получил ли он его? Что вкладывают в это понятие религиозные люди? Покой тела и свободу души? Не уверен... Но одно знаю точно: душа Гоши сейчас не свободна.

После похорон были поминки в довольно дорогом кафе, таком любимом Гошей при жизни. Потом ещё около часа вся родня сидела и вздыхала в квартире у родителей фотографа. Они вспоминали Гошу маленьким мальчиком, гордились его успешной учёбой в школе и университете, ругали его обидчиков... Да, таких тоже было немало, ведь предпочтения Гоши в любви и образе жизни многими оставались непонятыми. Мне всегда было всё равно, как развлекался брат Лены, но в его жизни было много тех, кто не мог согласиться с такими привычками молодого человека, пусть даже и не всегда хорошо знакомого. Таких было много и среди родственников Гоши. Конечно, сейчас они все вздыхали, прося проще-

ния у покойного, но что толку? Ребята, я бы мог вас отвести к тому месту, где зависла его душа, и вы бы могли вымалить прощение прямо у неё! Вот только жить вам останется не намного больше, чем Гоше, отснявшему там фотосессию своей сестры.

Так прошёл день: в охах, вздохах и поедании себя за лишние слова. Теперь же, когда мы остались с Леной одни, я набирался храбрости для разговора.

Набраться удалось не только храбрости, но и виски, отчего язык стал более подвижен, а мысли потекли в его сторону, норовя вырваться наружу.

– В смысле? – Лена оторвалась от механического пережёвывания бутерброда с сыром, подняв на меня взгляд, прикованный до этого к чашке чая.

– В прямом... Ты хотела поехать к дереву... дубу... Я не хотел... Да, блин, ну я же тебя отговаривал!

– Миша, если ты не хотел ехать, то мог остаться дома.

Я плеснул в стакан ещё немного жидкости. Мог? Нет! Или да?

– Как я мог отпустить тебя одну? Ты же моя... ты... да я жениться на тебе собираюсь!

Лена положила бутерброд на стол. Поднявшись на ноги, она подошла к окну и стала всматриваться в летящий большими лаптями снег. Её пальцы отстукивали мелодию по подоконнику, до жути напоминающую мне похоронный марш.

– Сейчас не время таких признаний, – она опустила вниз

голову, сложив на груди руки. – Мой брат...

– Да, Гоша умер! Из-за этой проклятой поездки! Из-за меня! Я не спас его! Но я хотел...

Выпив очередную порцию виски, я взял в руки бутылку. Налить ещё? Нет, Миша, ты уже и так хороший. Пару секунд крышка не хотела поддаваться, норовя выскочить из руки, но, всё же, заняла своё место на горлышке бутылки. Отставив в сторону выпивку, я поднял взгляд на Лену и... и если бы не выпитое, то закричал бы. Рядом с ней стоял священник, босыми ногами расположившийся на халате моей будущей жены. Лена была полностью голой и стояла, опустив руки вдоль тела. По её животу вверх шёл шрам, разбегающийся в разные стороны немного выше груди. Он был зашит грубыми стежками, от чего Лена стала похожей на героиню фильма ужасов.

Священник держал её за руку, чуть выше запястья. Его улыбка вырывалась сквозь бороду, показывая гнилые зубы. Подняв руку, он снова заговорил ставшую роковой фразу:

– Нет спасения для пришедших на алтарь. Их души пойдут в пищу Дьяволу...

Не дав договорить предвестнику смерти, я кинулся вперёд, намереваясь сбить с ног моего непонятого соперника в бою за жизнь невесты. Но вместо бородача в мои руки попал комнатный цветок, подаренный мамой Лены на восьмое марта.

– Миша, ты чего? – Лена продолжала смотреть в окно.

Одетая, сложив руки на груди, она повернула ко мне голову, не понимая, что происходит. – Ты что, настолько пьян?

– Да, чёрт побери! – выругался я, оглядевшись по сторонам. – Куда он пропал?

– Кто?

– Мужик... с бородой, – проговорил я невнятно.

Лена потрогала мой лоб. Я отдёрнул руку девушки, усаживаясь на стул, с которого она недавно встала.

– Здесь нет никого, – Лена развела руки в стороны, усиливая смысл своих слов.

– Вижу, – я тоже развёл руки, – но именно он... он забрал Гошу. Точнее его душу.

– О чём ты? – глаза Лены округлились, и она прикрыла ладонью рот. – Ты видел...

– Лена, зачем ты меня взяла с собой?

Я прикрыл руками голову и уставился в пол. Ромбический орнамент для меня сейчас являлся главным спасением. Какой толстый шов у этой плитки...

– А разве не понятно? – Лена прошлась по кухне, снова вернувшись к окну. – Сама бы я не выдержала такой нагрузки, а с тобой мне было не страшно. Но Миша... там не было ничего! Или ты видел кого-то?

– Почему он назван дубом висельника? – покачал я головой. – Гоша погиб в аварии, а этот священник... Васька... он просто достал его душу из тела и повесил на ветку. А затем... эти рога...

– К-к-какие? – заикаясь, Лена сползла по дверце холодильника на пол. – Чьи рога?

– Того, кто забирает себе души, пришедших на алтарь!

– Так было написано в моей тетради! Миша, ты меня разыгрываешь? Сейчас не время для этого!

Я засмеялся. Хорошенькие шуточки! Один уже умер, двое на подходе, и сделать с этим ничего нельзя. Хотя, почему это только один? Там уже этих трупов, если верить Лене и интернету...

– Разыгрываю? Если бы! – я покачал головой, начавшей болеть от миллиона мыслей, лезущих в неё со всех сторон. Гоша! Я мог спасти его! Мог! Но не спас... Уехать из города! Моё спасительное решение провалилось, так и не начав прорабатываться. Но ещё есть шанс спасти себя и Лену! Но Гоша! Теперь его смерть на моей совести... Или на совести Лены? Кто из нас больше виноват? А, может, сам фотограф виноват не меньше, чем мы? Ведь он согласился поехать к этому чёртову дереву! Остался бы дома – сейчас ходил бы живой. Но мог умереть кто-то другой! Неизвестный мне фотограф мог повторить путь Гоши, отправившись напрямиком на кладбище, не приходя в сознание. Тогда бы я не был сегодня на похоронах, и не увидел бы комнату с паром и... Или это могла быть она? Кто был бы первым?

Мои мысли прервала Лена, также обхватившая руками голову. Она сидела на полу и тихо плакала.

– Именно поэтому ты тогда у дуба так себя вёл? – прого-

ворила девушка сквозь слёзы. – Почему ты нам сразу не сказали? Мы могли спасти Гошу!

– Как? Как бы мы его спасли? – Я рывком поднялся, вскидывая вверх руки. – Ты же помнишь, что спасения нет! Мы пришли на алтарь, и теперь у нас только один путь – следом за твоим братом.

Лена разрыдалась, а я понял, что сказал нечто очень жестокое. Поднявшись со стула, я подошёл к девушке и сел рядом на пол

– Лена, ну, прости... я не это хотел сказать... Просто сегодня такой день... не только сегодня... Смерть Гоши и его похороны окончательно выбили меня из колеи. Я хотел спасти нас всех... я... Помнишь, я предложил поехать отдохнуть? Возможно, это всего лишь моё предположение, но мы можем спастись, уехав отсюда. Мы должны быть друг у друга на виду! Тогда каждый сможет контролировать каждого! Понимаешь? Я не думал, что смерти начнутся так быстро... Если бы я знал, то уже утянул бы вас в какую-то тёплую страну, подальше от этого проклятого дерева!

Лена посмотрела на меня глазами, полными слёз. Её рот пару раз беззвучно открылся, как у рыбы, пытающейся захватить на суше воздух, и, держась за подоконник, она начала подниматься. Я хотел последовать её примеру, но Лена посмотрела на меня и отрицательно качнула головой.

– Мы не спасёмся. Люди, которые возвращались в свои страны, находили смерть и там. Или смерть их находила...

Думаю, сейчас точность не важна. Миша, нет выживших! Ни американцы, ни чехи, ни французы – никто не смог уйти от проклятия дуба. В душе я верила, что это просто байка, как и все остальные подобные истории, но сейчас... Я так устала...

Она направилась на выход из кухни, поворачивая по коридору в комнату. Секунду подумав, я подскочил на ноги и помчался следом, надеясь, что, находясь рядом с ней, смогу контролировать ситуацию.

Когда я вбежал в комнату, Лена уже лежала на кровати. Она укрылась тёплым одеялом и отвернулась к окну. Там снова сыпал снег, продолжая присыпать землю и дороги в нашем городе. Где-то шумела какая-то техника, скорее всего, стараясь спасти город от снежного коллапса, а я, подойдя к окну, закрыл его с режима микропроветривания.

Комната погрузилась в тишину. Я сел в кресло и стал, постукивая пальцами по былъцу, наблюдать за вакханалией на улице. Снежный танец завораживал, заставляя снова вспоминать детство и ёлку...

Я проснулся от звука капли. Голова болела, и глаза открывать не хотелось.

«Весна?» – пролетела в голове неожиданная мысль, тут же скрывшаяся от логики опытного программиста. Нет, ей сейчас не время. На улице сугробы и небольшой мороз... Там дети катаются на санках, какая же это весна? Разве что, я проспал, как медведь всю зиму и теперь...

Кран! Так капает вода из крана, когда не плотно перекрыл вентиль, а ванной уже заготовлена порция для вечернего релакса. Да, точно, так капает вода в нашей ванной...

– Лена! – закричав, я подскочил в кресле, почувствовав адскую боль в районе затылка. Машинально потрогав голову рукой и не найдя там следов от возможных травм, я устался на кровать, где...

Там должна лежать Лена! Она обязана там быть! Когда я закрыл глаза (всего лишь на одну минутку), моя невеста была в постели, укрытая лёгким одеялом. Сейчас там пусто, а в ванной...

Я подбежал к кровати, намереваясь убедиться в своей ужасной правоте. Одеяло летит на пол, но под ним никого! Лена проснулась раньше меня и пошла в ванную, но зачем? Всего-то на всего, она решила расслабиться после тяжёлого

дня...

– Лена! – я не звал, а пытался докричаться через толщу времени, призывая мою невесту не вставать с кровати, а подождать моего пробуждения. Я должен за ней присматривать, она должна контролировать меня! Только в этом наш шанс спастись! Только так ему не добраться до наших душ!

Лена из прошлого не реагировала. Она так и не появилась на кровати, как я не старался зажмуривать глаза, в надежде, что мой зов достучится до неё, и девушка останется в постели. О чём это я? Возможно, именно так и сходят с ума...

Проклиная себя за сон, я кинулся к ванной. Шаг, ещё один, и ещё... Время тянулось, отделяя меня от цели. Казалось, я должен оказаться у заветной двери за считанные секунды, но сколько бы я не тянулся к ручке, она всегда ускользала от меня, оставаясь в паре шагов впереди. Последний рывок я делал, как чемпион мира по прыжкам в длину. Я впился в ручку и с негодованием начал её крутить, понимая, что дверь не поддаётся.

– Лена! – в очередной раз закричал я, с усилием дёргая дверь. – Открой! У тебя всё в порядке?

Ответа не было. Только капли падали вниз, выбивая сумасшедшую дробь по моему сознанию.

«Кап-кап-кап, герой. Проспал? Проворонил свою невесту? Хорошо, что ты не собирался спасти весь мир», – голова разрывалась от мыслей, вгоняя каждое слово, словно нож в излюбленную жертву.

Не знаю, как мне это удалось, но я сорвал дверь с замка и тут же окунулся с головой в пар. Похоже, Лена открыла очень горячую воду, и теперь вся ванная комната была заполнена белой взвесью, скрывающей девушку. Я ворвался внутрь и тут же упал. Мои ноги поскользнулись на чём-то, чем был залит пол... немного вязкая жидкость налипла на руки и когда я поднял пальцы к лицу, то увидел, что они красные от...

Рука Лены находилась почти перед моим носом. Теперь, когда после открытия двери пар повалили в коридор, в ванной стало легче разбирать очертания предметов. Я увидел ванную и возрадовался, что при падении не приложился головой о её край.

С наманикюренных пальцев на пол капает кровь. Я закричал, вспоминая видение у гроба Гоши, и попробовал вскочить на ноги, но рука, облачённая в чёрную одежду, опустилась на моё плечо. Медленно, словно находясь по макушку в густом киселе, я обернулся назад. Станный священник стоял настолько близко, что я смог разглядеть небольшие зелёные пятна на медном кресте, свисающем на чёрной верёвке с его шеи. Ряса, дырявая, со следами неизвестной грязи, оказалась полностью изорванной в самом низу. Край надорванной ткани отогнулся в сторону, предоставив моему взору невероятно худую и грязную правую ногу. На колене красовалась рваная рана, отчего кусок кожи свисал, подобно ткани на его рясе. Сомневаюсь, что левая нога выглядит намного лучше.

Человек смотрел на меня, а в его полностью белых глазах

отражалась наша ванная комната. Там я увидел и лужу крови на полу, и рану на руке Лены, из которой вытекали последние капли, унося её в мир странного священника. Затем, он поднял взгляд вверх, рассматривая точечные светильники на потолке. Не знаю, что его в них заинтересовало, но моему взору предстала рваная рана на шее, скрываемая бородой. Возникало чувство, что кто-то убил этого человека, перерезав ему горло.

Я открыл рот, намереваясь узнать, почему этот человек преследует нас, но он поднял руку и приложил к моим губам палец. Холодный, пахнувший прелостью, он вызывал рвоту, которая волнами покатила из глубины живота.

– Молчи, – пробасил священник, – сейчас не время говорить. Привыкли голосить, не отпуская упокоившихся... Она теперь не в твоей власти, и твой крик ничего не сделает.

Он убрал руку от моего рта, дав возможность вдохнуть относительно свежий воздух. Затем, легонько поглаживая Лену по руке, он остановился на её запястье. Я вспомнил увиденное на кухне и понял, что судьба моей невесты была предрешена уже в тот момент.

Второй рукой священник провёл по волосам девушки. На мгновение остановившись на макушке, он резко повёл рукой вверх. Я увидел, как светящийся безликий двойник Лены вылетает из её тела, повисая в его костлявой руке. Священник улыбался, показывая мёртвой девушке гнилые зубы.

– Оставь её! – я попробовал подняться на ноги, но скольз-

кий пол мешал моему желанию. Руки скользили, как будто не желали находить опору, пока вокруг не оказался снег...

Я снова увидел дуб. Присыпанный снегом, он также молча стоял на своём почётном месте, возвышаясь над равниной. Усыпанное душами дерево, медленно покачивались под дуновением ветра. Священник держал бесплотную Лену, которая тут же закачалась в такт с остальными жертвами.

Я нашёл силы подняться на ноги. Упираясь о скользкую ледяную дорожку, мои руки нашли непонятную опору. Я чувствовал себя возрождающимся фениксом, расправляющим крылья на ветру. Ну же, ещё рывок!

Холодный ветер пробирал до костей, но я делал вид, что его не замечаю. Спасти Лену – вот моя цель и главная задача!

– Эй, Васька! Оставь её в покое. Верни мне невесту!

Священник повернулся, наклонив голову. Он улыбался, насмехаясь над моими словами.

– Она уже умерла. Ты сам видел, что она с собой сделала, но просишь меня вернуть ей жизнь? Это не в моих силах.

Он повернулся к дубу и поднял руку. Лена взмыла вверх, оставляя меня с накатившими на глаза слезами.

– Возьми меня! – не желая отступить, я хватался за непонятную надежду.

– Твоё время тоже придёт. Ибо, нет спасения...

– Да в курсе я, что его нет! Но это моя вина! Я видел души...

– Не в этом дело, смертный...

Я снова оказался в ванной. Снег лежал на ногах, начиная таять от тепла, царившего вокруг. Рука продолжала свисать вниз, и очередная капля крови упала на плитку. Пар развеялся, давая мне возможность увидеть картину произошедшего.

Моя бритва лежала разломанной. Ещё недавно, являя собой безопасное приспособление для бритья, она превратилась в безжалостного убийцу, породив из своего нутра холодный осколок смерти. Лезвие лежало у Лены на груди, как будто намеревалось остаться уликой для будущего расследования. Кровью на стене была написана старая фраза, сокращённая до стыдливого: «Нет спасения»...

Я встал на колени рядом с ванной и примерил взглядом лезвие. Лена сделала правильный выбор: зачем ждать, если уже всё предрешено? Васька, появляющийся в самые напряжённые минуты, придёт за всеми, и, ни море, ни люди во круг, от него не спасут. А если он не поможет, всегда есть выбор, дарующий тот же самый финал. Не хочу висеть на дереве, но, похоже, этого не избежать.

Я положил руку на край ванной, всматриваясь в опустевшие глаза своей бывшей невесты. Надо же... всегда думал, что мы распишемся и уедем в тёплые страны. Моя работа позволяет находиться вдалеке от работодателя, а для Лены я хотел найти место в отельном бизнесе. И мечтал умереть с ней в один день...

Взгляд снова упал на лезвие. Что там говорят про бездну,

смотрящую на человека? Я чувствовал, как маленький кусочек металла манит к себе, предлагая осуществить давние мысли и снова быть вместе с любимой. Всего-то и надо легонько провести им по руке, дополнив образовавшуюся на полу лужу своей кровью. Просто и легко, не очень быстро, но эффективно... Может, именно из-за потери родных и друзей умерла большая часть посетивших дуб? Думаю, были такие, кто не смог пережить расставание и отправился следом за любимым человеком...

Я продолжал смотреть в пустые глаза. Когда-то там были азарт и огонь, сводившие меня с ума. Сейчас там был мир Гоши, который открылся мне в глазах мёртвого фотографа. А ещё там было чувство вины... Не её вины, а моей. Оно отражалось, вытекая из моих глаз вместе со слезами, устремляясь по щекам в горячую воду.

– Зачем я рассказал тебе об увиденном? – тихие слова сорвались с губ. – Мог увезти... спрятать... Нет покоя посетившим алтарь!

На ватных ногах я пошёл в комнату. Телефон Лены лежал на полочке, рядом с кроватью. Не знаю, можно ли назвать данный вопрос своевременным, но мысль о том, что скажет моя бывшая «будущая тёща», звенел в голове назойливым комаром. Потеря ребёнка может подкосить любого родителя, а тут, не успел Гоша провести первую ночь в «новом доме», как следом уходит родная дочь. Какие силы должны быть у человека, чтоб такое пережить?

Я и раньше ловил себя на том, что в сложные моменты жизни голову забивают глупые и ненужные мысли, стремясь заполнить звенящую пустоту разума. Сейчас снова не обошлось без подобного: могу ли я называть маму Лены своей тёщей? За время отношений с будущим «великим архитектором», в моём понимании другого определения этой плачущей женщине я не знал. Да что там говорить, во время знакомства с родителями, Лена мне их так и представила: твои будущие тесть и теща. С того момента я их по-другому и не называл. А сейчас... Сейчас я смотрел на плачущую женщину и не мог решить самый важный на данный момент вопрос...

Родители Лены приехали почти на час раньше полиции. Убитый горем отец разрывал их за такую халатность, вспоминая все свои регалии, заслуги перед страной и козыряя званием, но те лишь пожимали плечами, показывая на Лену:

– Мы бы уже ничего не изменили... – говорил молодой парень, поправляя кобуру.

– Да тут и так всё ясно, – вторил другой полицейский, продолжая смотреть на голую девушку. – Тем более предсмертная записка на стене...

Да, тут всё, действительно, ясно. Я, не являясь полицей-

ским, первый вывод сделал бы соответствующий – самоубийство. Не знаю, что будет дальше и кто будет осматривать Лену, но других заключений никто не даст. Не думаю, что экспертиза сможет определить отсутствие души, тем самым предприняв попытку найти настоящего виновника смерти Лены. А он сейчас стоит у дуба и смеётся вместе со своим хозяином, показавшим мне рога и ожидающим новых жертв.

Я сидел в комнате, временами отвечая на вопросы каких-то людей. Знакомые голоса, услышанные сегодня утром на кладбище, разносили плач по квартире, усугубляя моё и без того тяжёлое состояние.

Я смотрел на кровать. Точнее, на то место, где ещё пару часов назад лежала Лена. Что было в её глазах, когда она молча лежала, отвернувшись от меня к окну? Наверное, злость и ненависть, которые я заслужил, промолчал об увиденном. Думаю, она сама хотела стать причиной всех развернувшихся событий... или это бред?

Ноги сами привели меня к кровати, мысли о которой кружили вороньём в голове. Опустившись на колени, я положил голову на маленькую подушку. Лена любила её, рассказывая о пользе подобных вещей для здоровья, а я, улыбаясь, кивал...

Простынь хранит тепло её тела, отчего мне приходится вздрогнуть. Нет, это мозг играет со мной, создавая иллюзию желаемого... или коммунальщики сильнее топить начали. Я точно знаю, там, где сейчас находится её душа, холодно и...

Стоп! А если дьявол съел её душу, то что висит на дереве? Или он не ест их в прямом смысле? Чёрт! Мозг старается отвлечься от случившегося, но делает это так криво, что хочется заплакать, поддержав душевные порывы собравшихся в моей квартире людей!

Я терплю. Мои глаза покраснели, но слезам с них не вырваться. Я буду стойким и разорву этот круг смертей! Васке не победить меня! Я знаю, что мне предрешено, а это большой козырь! Предупреждён – значит вооружён!

В голове повисла тишина... Ну же, мозг, давай, подкидывай ещё мотивирующих фразочек!

Вместо этого он отдаёт команду делать начатое минуту назад: продолжать привязывать к батарее галстук, к другому концу которого привязан его собрат, завязанный в петлю. Я смотрю на свои действия, осознавая весь ужас происходящего, но руки не останавливаются. Вот правая рука подёргала привязанный к батарее край импровизированной верёвки. Вот левая проверяет узел на петле...

Кто-то стоит сзади, читая монотонным голосом странную молитву. Чётки стучат одна о другую, добавляя к бубнению нотки ужаса. Я догадываюсь, кто стоит сзади, но тело меня не слушает... Я не могу обернуться, продолжая проверять импровизированную виселицу, с заготовленной для моей шеи петлёй.

В комнате резко похолодало. Снег летит в лицо, закручиваемый порывами ветра. Голос, разносивший недавно мо-

литву в привычном мире квартиры, усилился. Уже знакомая фигура в рясе вышла из-за моей спины, направляясь к толстому стволу дерева. Прямо возле него стояла Лена, в той же позе, что и на фотосессии: голова опущена, руки висят вдоль тела. Только теперь на ней был наряд невесты, а по левой руке стекала кровь, выталкиваемая сердцем из перерезанных вен. Гоша стоял невдалеке, замерев в позе фотографа. Вот только руки его были пустыми, оставаясь замершими в ожидании привычного инструмента.

– Так всё началось, так всё и закончится, – пробасил Васька, держа в руках мою петлю из галстуков. – Ибо нет спасения для пришедших на алтарь!

Петля сама взлетела вверх, и непонятным мне образом закрепилась на ветке. Священник вскинул руку, указывая на предстоящий мне путь.

Я находился в своём теле, как сторонний наблюдатель. Руки отталкивались от снега, помогая телу выравниваться на пути к петле. Ноги делали вялые шаги, с трудом сгибая колени. Ветер забивал зрение, стараясь запихнуть в каждый миллиметр глаза побольше снега, отчего путь виделся мутным.

Теперь я понял, почему вешались все те ребята, фотографии которых были у Лены на телефоне и в ноутбуке. Они не могли противиться отказавшемуся подчиниться телу, не могли повернуть назад... Вот так они и лезли в петлю! Никто не мог совладать с силой, ведущей их тело на эшафот, видимый только для смертников.

Мне на плечо упала чья-то рука. Голос, ставший знакомым, звал меня через расстояния, призывая вернуться в реальность. Лена подняла голову и, как-то очень по-злому, посмотрела в мою сторону.

– Миша, что с тобой? – голос бывшей будущей тётки звучал более ясно. – Ты что, окно открывал? Откуда в комнате снег? И кровать от него вся мокрая...

Наша с Леной комната оставалась такой же тёплой, какой запомнилась мне до попадания в мир Васьки. Сюда заходили мои несостоявшиеся родственники, рассматривая меня, словно диковинную зверушку. А я стоял на четвереньках рядом с батареей и плакал.

Не было моей петли, не было Лены со злыми глазами, не было и Гоши, замершего в его любимой рабочей позе. Где-то далеко остались и Васька с дубом. Мои галстуки тоже остались висеть на дереве, дожидаясь неминуемого завершения недавней фотосессии.

В доме родителей Лены было полно людей. Мысль о том, что здесь какой-то нескончаемый траур, прилетела в голову и унеслась в неизвестном направлении. Чёрные платья, платки и костюмы – всё это напоминало фильмы времён Чарли Чаплина, в которые кинематограф ещё не научился завозить цвет. В отличие от весёлого кино великого комика, здесь отсутствовали улыбки, а эмоции были хуже, чем просто печальными. Я старался отвлечься, подбирая слова для увиденного, но сознание крутило перед глазами другой фильм: снег, чётки, борода... а где-то под дубом меня дожидается невеста.

Я обернулся на звук звонка. Кто-то торопился к входной двери, щёлкая замками, привлекая в том направлении взгляды собравшихся. Все знали кто приехал, в ужасе ожидая встречи с неминуемым. Отец Лены договорился, и сейчас его дочь привезли домой, чтоб все, кто не сможет поехать на кладбище, смогли попрощаться с ней в домашней обстановке.

Двое человек внесли крышку от лакированного гроба. Кто-то топтался в коридоре, отдавая команды другим людям. Плач усилился, безошибочно подсказав мне, что именно происходит в коридоре.

В комнату внесли гроб. В нём лежала та, с которой я планировал связать жизнь, но теперь смогу соединиться только после смерти. И шанс, что ждать этого осталось не долго, рос с каждой минутой.

Лена лежала накрытая с головой. Немного снега сохранилось по краям огромного полотенца, скрывающего от чужих глаз её бездыханное тело. Белый, пушистый, словно дорогая вата, он становился для меня предвестником ужасающих событий. Когда мы приехали к дубу, снег покрывал всё поле бесконечным одеялом. Он укутывал Гошу, лежащего в гробу перед могилой. Он же кружил перед окном, когда Лена лежала в ванной. В тот момент, когда мои галстуки обматывались вокруг ветки, снег, словно стараясь скрыть от меня происходящее, падал на землю. Уверен, на наших могилах его будет столько, что каждый желающий сможет до самого лета лепить огромных снеговиков.

Мама Лены стояла в стороне. Несколько женщин окружили её, поддерживая под руки и подсовывая под нос пузырёк с нашатырём. Соседка, которая была частой гостьей в этой квартире, откинула белое полотенце, явив всем собравшимся мою Лену...

– Красавица наша, – сказала женщина, убрав покотившуюся по щеке слезу. – Покойся с миром... Петя, ну за что вам такое?

Она разрыдалась ещё сильнее, уступая своё место другим людям. Отец Лены, поддерживая жену, подошёл к гро-

бу и опёрся рукой о его край. Военный человек, на сколько я знаю, видевший ни одну смерть, старался сдерживать слёзы. Вioletта Павловна возле гроба выглядела спокойнее мужа, выплакавшись несколько минут назад.

Я решил, что теперь пришла и моя очередь. По крайней мере, хоть здесь мы сможем побыть одной семьёй, которой было не суждено состояться.

– Почему она в свадебном платье? – я посмотрел на Вioлетту Павловну, поглаживающую сложенные на груди руки дочери.

– Так принято... не знаю... Мне на работе так сказали. Её там все любили... Ну, ты же знаешь это и сам...

Мне пришлось выдохнуть, чтобы не закричать.

– Да, знаю. Но почему она в таком платье? Она же не замуж выходит...

– Ну, вы же так и не расписались... – пожала плечами мама Лены. – А они сказали, что по традиции, незамужних девушек хоронят в свадебном платье. Или что-то в этом роде... Не знаю... не помню... Лене уже всё равно, а мне так легче.

– Почему вам от этого легче? – я опустил голову, закрыв глаза.

– Помню, когда умер мой отец, мама никак не могла придумать, в чём его похоронить. И дело не в том, что ей было жалко его оставшуюся одежду. Она хотела, чтобы на том свете он предстал перед ней в нормальном виде. А так, после вашей с Леной встречи в раю, вы сможете сразу пожениться.

Ты, главное, другую тут не находи. Береги себя для неё, а она себя сбережёт...

Я посмотрел на свою предполагаемую тещу округлившимися глазами. Эта женщина, которую я всегда считал умной, сейчас несла самый настоящий бред. Правда, после того, что ей пришлось пережить, я могу простить ей это.

Лицо Лены оказалось напудренным, а губы накрашены помадой. Я даже уловил её запах – это был мой подарок на очередную дату наших отношений. Глаза были плотно сжаты, но мне сразу представилось, как они откроются точно так же, как сделали Гошины, намереваясь рассмотреть мою трепещущую душу. Наверное, пока родители рядом, она не сделает подобного, но, на всякий случай, я приготовился отступить в толпу, стоящую позади меня.

– Миша, заканчивай здесь, – Пётр Сергеевич качнул головой, и махнул рукой стоящим в стороне людям с крышкой от гроба. – У нас всех ещё будет немного времени у могилы. Не самое лучшее место для встреч, но и не самое худшее для прощаний.

Сверху на Лену опустилась крыша её нового дома, которой суждено ещё один раз быть отложенной в сторону для финального прощания на кладбище. Мне пришлось отойти, чтоб не мешать похоронной бригаде, ловко подхватившей привычную для них ношу. Меня взяла под руку какая-то женщина, махнувшая успокоительно маме Лены, и потянула к выходу. Похоже, меня решили успокаивать, а я просто

не мог оторваться от гроба, намеревающегося навсегда спрятать от меня девушку в платье невесты... мою предполагаемую жену.

На кладбище было не таклюдно, как на похоронах Гоши. Я узнал нескольких одноклассников Лены, но подходить к ним не стал, отделавшись лёгким кивком и поднятой рукой. Так оказалось, что рядом с Гошей уже похоронили какую-то бабушку, и новая могила расположилась в нескольких метрах от креста с информацией о годах жизни её брата. Такая же, но с другими числами, лежала рядом с подставками, которые приготовили для временной установки гроба. Снег старался скрыть знакомую мне дату, в которую Лена в подарок получила смертельную фотосессию. Возможно, заметив мой взгляд, низкий парень из похоронной бригады, поднял табличку и смёл с неё снег изорванной перчаткой. Затем, траурный прямоугольник скрылся за пазухой грязной куртки. Пусть, так даже лучше...

Часть родни ещё не разъехалась после похорон фотографа, так что, как сказал один из дальних родственников, собирать снова им не пришлось. Но взгляд уловил несколько незнакомых лиц, и я решил, что просто не обратил на них внимание на прошлых похоронах.

Люди шептались, выстраивая различные теории о причине поступка Лены. Про безответную любовь я не слышал, но вариант, что жених ей изменил, тоже прозвучал. Была даже

версия, что Лена не смогла пережить горе от смерти брата. Одна из бабушек даже вспомнила, что у внучки в детстве были склонности к суициду, и её пару раз ловили на крыше родительского дома. А я и не знал об этом... Да что там... мы не говорили на подобные темы ни разу, что было странно, учитывая любовь Лены к мистике. Думаю, она хотела забыть этот момент, но добрая родня всё помнила.

Поток людей, устремившихся к гробу после снятия крышки, скрыл от меня всё происходящее. Я видел спины, слышал голоса, но не понимал, кто уже попрощался и сколько людей отделяют меня от этой же работы. Кто-то отходил, затем снова возвращался. Кому-то несли воду, намереваясь успокоить человека, а я не понимал, как может стать плохо на такой холодной погоде.

В общем, всё шло своим чередом и я, снова оставшись последним в этой веренице, пошёл к своей невесте. Парень из похоронной бригады держал над её лицом небольшой зонт, выданный ему какой-то из сердобольных бабушек. Он отвернулся в сторону, рассматривая соседние могилы, покачивая при этом головой. У меня возникло странное чувство дежавю: точно также, пару дней назад на похоронах Гоши вся толпа стояла у гроба, а я оказался возле него в полном одиночестве. Здесь первой мыслью была: какие были мои последние слова, произнесённые Лене?

Она не смотрела на меня в привычном смысле, но я чувствовал её взгляд. Тяжёлый, полный ненависти за молчали-

вое хранение тайны с увиденным под дубом. Он жёг меня, прорываясь из-под сомкнутых век. Запах помады, странным образом доносящийся несмотря на погоду, манил к губам девушки. Покойников целуют в лоб, но это же моя бывшая невеста...

Я наклонился пониже и поцеловал остывшие губы. Мои руки коснулись полотенца, которым было перекрыто некогда желанное мною тело. Я не заметил, как от этого движения, оно отъехало в сторону, освобождая сложенные на груди руки покойницы.

Странное чувство появилось в тот момент, когда я отрывался от поцелуя. Меня продолжало тянуть к девушке, как будто невидимая сила не желает нашего расставания. Опустив вниз взгляд, я увидел, что левая рука Лены крепко вцепилась в карман моей куртки. В обычных условиях пришлось бы вспоминать истории про судороги и цепкие хватки после смерти, но в моём случае, в голову лезли только истории про зомби.

– Ты переживал, что не утянул нас в тёплые страны, хренов спаситель! Мне кажется, что ты думал об этом, только в надежде спасти свою шкуру. А теперь я заняла положенное тебе место в этом лакированном ящике...

От неожиданности я дёрнулся назад и чуть не упал.

– Лена, я...

Взгляд девушки снова стал злым, а губы искривились. Слова ненависти летели в мою стороны, ударяя сильнее, чем

кулаки профессионального боксёра.

– Но ты не смог! Ты не сделал этого! А, может, просто не захотел? Может, у тебя появилась другая, и Лена стала для тебя обузой? И теперь ты с ней будешь жить в нашей квартире, здесь наверху? Ну так знай, что там под землёй тебя ждут два человека, у которых есть очень неприятный для тебя разговор!

Её правая рука приподнялась, указывая большим пальцем в сторону. Я посмотрел в том направлении и увидел среди собравшихся Гошу, изломанного, с перекошенным от боли лицом. Он стоял недалеко от своей могилы, рядом с которой уже стояла часть родственников, пришедших попрощаться с Леной. Среди них стоял и Васька, перебирая чётки, стучащие своими деревянными зубами на полкладбища.

Ощущение попытки втянуть меня в гроб пропало. Я смотрел на девушку, лежащую в обычной для погребения позе. Её руки были сложены на груди, а потухший взгляд скрывали напудренные веки. Человек, держащий зонтик стоял на своём месте, рассматривая соседнюю могилу. Чёрт, да я даже не могу сказать, был ли он здесь, когда Лена рассказывала мне о моих последних мыслях! По поводу её слов, у меня сложилось впечатление, что это обычный разговор женщины, по старой «бабской» традиции, перевернувшей с ног на голову сказанное мужем.

Я отошёл в сторону, вытирая губы. Отец Лены аккуратно махнул похоронной бригаде, после чего зонт был резко сло-

жен и убран в сторону, а вместо него в руках человека уже был один из краёв крышки гроба. Быстро орудуя молотками, ребята вбивали острые гвозди в податливое дерево. Не прошло и минуты, как последнее пристанище Лены было готово к заключительному ритуалу.

На крепких полотенцах гроб опускался в землю, по пути цепляя краями стенки могилы. Копатели старались сделать яму похожей по форме на гроб, но где-то недоработали, оставив лишние куски земли. Я понимал ребят, ведь копать мёрзлую землю – удовольствие не из приятных, но чувство того, что гроб опустится боком, заставляло смотреть на него округлившимися глазами.

– Не переживайте, – спокойно сказал бригадир, – внизу яма шире и гроб выровняется. Вашей родственнице уже всё равно, а мне ребят своих мучить не особо хотелось.

Отец Лены снова легонько махнул рукой, намекая, что ничего страшного не происходит. Я отвёл взгляд в сторону и увидел край рясы, исчезающий за воротами кладбища – Васька справился, отправив тело на корм червям, и теперь уходил по понятным только ему интересам. Мне хотелось кинуться следом, но я и так знал, где он должен быть – его дом под дубом, и там я с ним встречусь, задав все накопившиеся вопросы.

Снег прекращался. Такой сильный и пушистый с утра, теперь он сыпался мелкой крупой, стараясь скрыть наши следы, оставшиеся от нервного топтания на месте. Мы кидали в

могилу землю, а небеса кидали снег... Лена ушла следом за Гошей, оставив меня наедине с мыслями о спасении своей шкуры.

Машины и автобус подвезли людей к помещению кафе. Родственники шли вереницей, обсуждая по дороге свои семейные дела. Я шёл позади всех, не понимая, как такое получилось в моей жизни.

Вот живёшь себе, догадываясь, что когда-то всему этому придёт конец, но финал приближается, и ты об этом знаешь... Оказывается, ты ни фига не готов к смерти! Хочется ещё пожить, вырастить детей, понянчить внуков... Да что там внуков? Жениться бы, и то судьба не даёт... В школе мне нравилась одна девочка с длинными рыжими волосами. Она очень звонко смеялась, когда кто-то из ребят удачно шутил. Я мечтал, что когда вырасту, выучусь в институте и найду работу, то обязательно женюсь на ней. Конечно, я бы её не искал, но она, как предназначенная мне судьбой, нашлась бы очень быстро, и чуть ли не кинулась бы мне на шею. Нашёл я её... В социальной сети мне подкинуло профиль девушки, которую я раньше знал, как Оксану Нестеренко. Она была в друзьях у моего другого бывшего одноклассника, сейчас ставшего успешным бизнесменом в сфере агротехники. Оксана оказалась инвалидом, лишившимся ног в автомобильной аварии. В прошлом красивая длинноногая девушка, сейчас не может перемещаться без кресла-каталки... Её муж,

который вёл в тот злополучный вечер машину, врезался в фуру, выезжающую на проспект. Его хоронили в закрытом гробу, а она навсегда осталась инвалидом, жизнь которого уже не станет прежней. Тогда, рассматривая её фотографии, я весь вечер думал: что было бы, если б её мужем был я? Аварии бы не было, так как машину я не вожу... И её прекрасные ноги были бы целыми, принося радость глазам мужчин, оглядывающимся ей в след. Про себя могу сказать, что сейчас не сидел бы на похоронах, а пару дней назад не тащился бы к этому проклятому дубу. Вот тебе и судьба... Могла ли Оксана в те далёкие школьные годы, хотя бы предполагать такой расклад? Я точно не думал, что меня ожидает смерть от проклятья, а моя невеста будет удерживать меня возле своего гроба.

Рядом со мной сидела тётя Лены, которая старалась меня успокоить, постоянно поглаживая по плечу. Её муж, тоже военный в отставке, молча наливал мне очередные пятьдесят грамм, желание пить которые у меня напрочь отсутствовало.

– Миша, не противься, – говорила женщина, – выпей. Тебе легче станет. Может, проплачешься... а то сидишь с таким видом, как будто умирать собрался. Брось ты эти мысли... Лена раньше тяжёлая была: то по крышам гуляла, то машины на дороге схватить пыталась. Господи, прости, про племянницу такое говорить. А ты... нормальный парень. У тебя вся жизнь впереди. Саша, плесни и выпей с ним, а то он стесняется.

– Так я уже, – показал на пустую рюмку её муж.

– Ещё налей. Видишь, парню надо.

– Да я-то что? Надо, значит, надо, – он с радостью налил себе ещё и поднял рюмку. – Ну, не чокаясь.

Я, посмотрев на дядю Сашу, молча кивнул. Водка пекла, но я не хотел закусывать. Пусть жжёт! Пусть согревает моё тело и душу, которым скоро суждено погрузиться во мрак и вечный холод. Следующую рюмку я опрокинул, даже не заметив, лишь скривившись от горечи напитка. Я пил, молча, уставившись в тарелку, на которой лежал кусочек рыбы в кляре и пара картошин. В голове начало плыть, а тело стало лёгким, переставая повиноваться моим желаниям. В итоге, очередную рюмку я не смог выпить, а просто уронил её на пол.

– Ничего, – раздался успокаивающий голос, – сейчас можно.

– Да? – спросил я, стараясь сфокусировать взгляд на своей собеседнице. – Это почему?

– Тебе тяжело, а это... всего лишь посуда. Тебе надо расслабиться и отпустить мысли. Так принято.

– Да? – снова спросил я. – Принято? Ну, тогда почему души висят на дереве, а не уходят на небо? А? Разве так принято? А как же Боженька и его правый суд? Здесь всё не так... и принято всё по-другому! Души мёрзнут на ветру, болтаясь, словно новогодние игрушки, их Дьявол ест... Где так принято? Только у нас, да в Глубоком Выгоне...

Дядя Саша встал со своего места, обошёл жену и посмотрел мне в глаза.

– Миша, успокойся... Всё в порядке. Пошли выйдем на улицу – снежком умоешься и подышишь свежим воздухом. Там мороз такой поднимается, что не только душа замёрзнет, а и эти... зазвенят... Короче, пошли – я покурю, а ты постоишь в сторонке.

Мне кажется, я чувствовал взгляды всех собравшихся на поминках. Пусть смеются, если хотят – у них впереди долгая жизнь, а у меня дуб и священник на отпевание души перед походом к Дьяволу.

На выходе из кафе я упал в снег. Прямо вперёд лицом улетел со ступенек, остановившись где-то внизу. Стало немного легче, но голова продолжала отдавать телу бессвязные сигналы, отчего руки не слушались, предпринимая бесполезные попытки поднять хотя бы голову. Мне помогли, усадили на заснеженную лавочку и всунули в руку сигарету.

Я не курил с седьмого класса, и сейчас не собирался, но рука на автомате засунула сигарету в рот, а вспыхнувший огонёк поджёг её край. Горький дым пошёл вниз, устремляясь к лёгким, давно не получавшим удар никотина. Кашель не заставил себя ждать, оказавшись не таким сильным, как можно было подумать. Ну и пусть, смерть от сигаретных ядов мне уже не страшна.

– Да всё нормально, дружище, – голос дяди Саши звучал прямо у меня над головой. – На грудь принял, сигарету по-

тянул – глядишь, так все печали и забудешь. Да, Ленка, конечно, девка хорошая была... Пусть они и говорят о её суицидных наклонностях, но это всё в прошлом. Мы с ней в том году сидели у нас в деревне, попивали кофеёк и за жизнь говорили. Не хотела она смерти... Детей хотела, о тебе говорила... М-да...

Он похлопал меня по плечу и отошёл на пару шагов в сторону. Я услышал, как этот выдавший жизнь мужик всхлипывает, потягивая носом холодный воздух. Кто-то ещё стоял с ним рядом, затягиваясь сигаретой. Незнакомый голос заговорил с дядей Сашей.

– Говорят, им сейчас легче. Нам здесь ещё мучиться, а они уже в своём доме. Хрен его знает, но мне и здесь неплохо, и в этот постоянный дом я не особо спешу. Может, потому что нагрешил не мало, пока Людка по командировкам ездила, но я туда не тороплюсь.

– Вадик, знаешь, как говорят? Пути Господни...

– Та знаю я... Но туда ещё не хочу. Гошик уже ушёл, Ленка за ним сразу пошла... Да я их помню, когда Гоша у меня сигареты тягал, и друзьям на улицу выносил. Ох, и досталось же ему тогда! И вот теперь он под крестом, сестра невдалеке под таким же... А мы здесь курим и водочку пьём за упокой их душ. А где они, души эти? В аду или в раю? Ленка хоть нормальной была, не то что этот фотограф... Что там церковь про содомитов говорит? Куда он отправился? Думаю, они не вместе на том свете, а, как говорится, по разные сто-

роны баррикад.

– Слушайте, – привлёк я внимание говоривших, – вот вы тут говорите про них, а ни черта не знаете, про то, где они сейчас.

– А ты, типа знаешь? – спросил собеседник дяди Саши.

– Конечно! – гордо выпалил я, стараясь сесть поровнее. – И не только это! Вот вы слышали про Глубокий Выгон?

– Про что? – пришла пора дяди Саши задавать вопросы.

– Ну, блин, деревня такая... И что самое страшное, от нашего дома туда рукой подать! Ну, почти...

Я чуть не упал, покосившись на сторону. Сигарета выско-чила в снег, продолжая источать в воздух беловатый дым.

– Не слышал я про такое, – дядя Саша почесал голову под шапкой. – А что там?

– Во-о-от! – растянут я слово. – Да, правильный вопрос... Там дуб! Дерево, проклятое... Все, кому суждено умереть, видят под этим деревом свою смерть. Толстушка увидела себя в том лифте, и я в этом даже не сомневаюсь.... Только сфотографироваться надо сначала, а ни то проклятье не работает. Ну, Лена так говорила. И, что самое главное, фотографировалась она, а всякую хрень увидел именно я.

– И что теперь? – со смехом в голосе спросил собеседник дяди Саши.

– Теперь? – я развёл руками. – Они умерли... Остался я... но тоже умру.

Дядя Саша подошёл ко мне, обняв за плечи.

– Миша, все мы умрём. Не бери в голову. Ты молодой, парень, тебе ещё жить и жить. Ребят жалко, но не вини себя – люди и без дубов умирают. Не зря же люди говорят, что если твоя судьба – верёвка, то ты уже не утонешь. Пошли в кафе. Там водочка, котлетки, а то тебя на голодный желудок разобрало с непривычки.

Вот как... Кому верёвка намерена судьбой, тот в петле и помрёт. А я хотел в тёплых краях скрыться... дурак. И Лену хотел спасти... Сейчас её душа висит недалеко от Гошиной, раскачиваясь на ветру, и мелко трясаясь от холода. А, вообще, душа может мёрзнуть? В пятки уходит, а в аду горит? В каком там круге ада вечная мерзлота?

Меня держали под руки, помогая подниматься по мёрзлым ступенькам. Ноги начали слушаться, но ещё некоторое время помнили недавнюю ватность. Мы зашли в кафе, встретившее нас мягким теплом и запахом советского общепита.

– Будем поминать, раз уже собрались, – сказал дядя Саша, усаживая меня на место. – Только парню больше не наливать.

Я просыпался несколько раз за ночь. В эти моменты мне виделись Лена, Гоша и Васька, переходящие от одного края комнаты к другому. Что они там искали, я так и не понял, ведь душа моя всё ещё находилась на прежнем месте, дожидаясь расправы над бранным телом. По-моему, они что-то говорили, но я так и не разобрал слов, кивая в ответ и отмахиваясь рукой, словно от назойливых мух.

Утром, вместе с головной болью, меня посетила интересная догадка: пока я пьяный, мне нипочём приставания Васьки и прочих потусторонних посетителей квартиры. А что, тоже неплохой вариант спастись от преследователей... Вот только алкоголиком становиться мне не хочется. Есть ещё вариант, но я его отгонял так же, как и первый, так как притворяться психом и спрятаться в психушке мне не очень-то и хотелось. Но в этом случае был больший шанс на спасение, так как можно было притвориться буйным и завалиться на долгое время в комнату с мягкими стенами. Интересно, есть ли у меня знакомые, которым посчастливилось работать в месте для душевнобольных?

Откинув все глупые мысли, я отправился в душ, имея острое желание привести себя в порядок. Открыв дверь в ванную комнату, я остановился на пороге, так и не найдя в

себе сил переступить через него. Воспоминание о Лене, лежащей в ванной и истекающей кровью, сковывало ноги, не давая им даже шанса сделать несколько шагов. Странно, ещё пару секунд назад я даже не вспоминал об этом, решив, что душ будет хорошей затеей.

Прислонившись спиной к стене, я сел напротив открытой двери в ванную. Моя умершая невеста уже не вернётся в этот дом, даже если всю ночь мне будет видеться, как она ходит по моей комнате. Её тело отправилось на корм червям, как и обещало проклятие, а душа... возможно, уже съедена Дьяволом. Здесь может быть только лёгкий след от её присутствия, выраженный всё ещё оставшимися на своих местах вещами. Я вижу её зубную щётку, коротенький халатик, шампуни и бальзамы... Мужчины постоянно смеются от количества химии, хранимой женщинами в этом месте, но мне сейчас не до смеха. Всё это придётся убирать, когда пройдёт определённое время, а сейчас, мне остаётся только думать и вспоминать.

Интересно, но здесь же есть и мои вещи... После того, как Васька заберёт меня, кому-то придётся выгрести отсюда всё, что накопилось за некоторое время. Выкинут мою бритву, пенку для бритья и гель после... Мой универсальный шампунь тоже не пожалеют. Что там ещё видно? Ну, моё полотенце и зубная щётка тоже вылетят на свалку. А больше у меня ничего и нет – всё остальное осталось от Лены. Её родня живёт далеко, ключей родителям мы не давали, так

что... Обидно осознавать, но после моей смерти здесь будут хозяйничать только полицейские. Возможно, они позовут Виолетту Павловну и Петра Сергеевича, обнаружив нашу связь с Леной. Думаю, какой-то шибко резвый следователь может даже найти связь во всех смертях и поездке к дубу, но, по старой традиции, сфотографировав местность, он сам себе подпишет приговор. А потом другой следователь будет искать причины его смерти и... Стоп... почему ещё следствие не вышло на главную причину смертей? Неужели никто не может обратить внимание на взаимосвязь с посещением Глубокого Выгона и «несчастливыми случаями»? Ведь есть же родственники, в конце-то концов!

С этими мыслями в голове я пошёл на кухню. Там, сбоку холодильника лежит пресловутый «пакет с пакетами», из которого один отправляется со мной на прогулку в ванную комнату. Я медленно сбрасываю в него бутылочки, наблюдая за их полётом в раскрытую белую пасть. Следом летят зубные щётки и полотенца с халатами, прикрыв собой странную добычу сошедшего с ума охотника. Наверное, именно так и трогаются головой, погружаясь в свои мысли и проводя там много времени в поисках непонятных ответов. Кажется, шанс укрыться в доме для умалишённых растёт с каждой секундой...

Я так и продолжал стоять посреди ванной комнаты, держа в руках пакет, с разведёнными в разные стороны ручками.

– Миша, остановись, – сказал я сам себе, взглянув в зер-

кало. Там был уставший человек, с явными следами на лице от выпитого вчера на поминках. – Если выбрасывать вещи, то уже все, а это большая проблема... Точнее, не проблема, а полнейший идиотизм. Ты понял?

Я спрашивал сам себя, глядя в красные глаза отражения. Отвечал тоже себе, рассматривая небритую щетину.

– Всё я понял... Лучше вовремя остановиться, чем сидеть в комнате, раскладывая вещи по пакетам. Да, надо попить кофе и подумать.

Я снова посмотрел на ванную, сглотнул горькую слюну и пошёл на кухню.

Пока готовился кофе, я смотрел в окно. Там сыпался снег, который в моём понимании ничего хорошего для меня не предвещает. Дети продолжали кидаться снежками, а родители тянули санки с самыми маленькими членами своей семьи. Мой двор жил, а я собирался умирать...

Аромат кофе, долетевший из поднесённой ко рту кружки, настраивал на жизненный лад. Снова захотелось бороться и что-то делать, но мысль о том, что я могу погибнуть даже в машине, как это произошло с Гошей, совсем не радовала. Да что там машина? Главное не повеситься в лифте, а то такие герои в этой истории уже были. А ещё моя история с галстуками, произошедшая возле кровати... Короче, нужно быть осторожнее и, как говорится, смотреть в оба.

Немного поразмыслив над всеми событиями, которые произошли с момента поездки в Глубокий Выгон, я так и

не смог найти решения проблемы. Единственным выходом, похожим на «правильный», казалась вторая поездка к дубу, но перед этим, допивая кофе, я полистал несколько любимых сайтов Лены. Мельком пробежав по ним, и вбив в поиск слово «спасение» с его производными, я понял, что именно «спасения» ещё никто не находил.

Уже почти покинув очередной сайт, мой глаз уцепился за новость про Лену и Гошу. Наша поездка расписывалась вкратце, но основные тезисы были учтены: фотограф и его сестра уже умерли, а третий герой истории пока жив. Пока! Классно читать такое про себя, но откуда им это известно? Я порыскал в контактах сайта, но так и не нашёл адреса организации или формы для обратной связи. Такой себе информационный портал о приговорённых к смерти через проклятие. Написав пару сообщений знакомым, работающим на регистрации сайтов, я пошёл в комнату, обдумывая по дороге поездку.

– Так, ну, Валика обязательно надо найти, – говорил я себе, натягивая штаны. – «Нет спасшихся...» – ох, и придумали же! Кто же этот сайт наполняет? Есть... Есть! Валик выжил! Головой тронулся, но остался жить, даже ходит по улице и палкой размахивает. Надо узнать у него, как он договорился с Васькой. А, может, мёртвый монах действительно не трогает умалишённых? Ну, думаю, притвориться у меня не получится – вряд ли он определяет таких по внешнему виду.

Одетый, я стоял у двери, покручивая в руке телефон.

Несколько дней назад мы выходили отсюда втроём, направляясь навстречу смертельным приключениям... Палец коснулся датчика отпечатков, и экран приветственно засветился всплывшим уведомлением. Разбираться, когда я его пропустил, не хотелось, так как это был ответ на отправленное мною недавно сообщение. В общем, как я и думал, найти хозяев сайта не так легко, но мне обещали помочь в этом. Буду надеяться, что поздно не будет, и мне удастся воспользоваться полезной информацией.

Нажав на иконку приложения такси, я указал адрес и время «на сейчас». Медленно, всматриваясь в каждую тень, я закрывал дверь, ощущая на затылке взгляд невидимых глаз. Вызвав лифт, мне через пару секунд пришлось отпрыгивать в сторону, так как после открытия двери я не обнаружил за ней кабины. Да, мои нерадостные приключения начинаются ожидаемо плохо.

Машина виляла по дороге, объезжая других участников дорожного движения. Мне хотелось кричать, чтоб водитель ехал аккуратнее, ведь шансов разбиться со мной у машины было больше, чем без меня, но я молча смотрел на дорогу, благодаря Богу за каждый удачный манёвр таксиста. Он же посматривал на меня через зеркало заднего вида, как будто спрашивал: что ты там забыл? Если бы можно было отвечать на мысленные вопросы, то мой ответ был бы простым: не знаю.

– Я дальше не поеду, – таксист остановил машину на том же месте, где нас высадили в прошлый раз, ориентируясь по каким-то понятным для себя знакам

– Знаю, – кивнул я, протягивая деньги. – Просит ждать не буду, а обратную машину снова вызову через приложение. В любом случае – спасибо.

Таксист взял деньги, кинул их в бардачок и повернулся ко мне.

– Если всё знаешь, – сказал он, окинув глазами местность по сторонам, – то зачем туда идёшь?

– Зачем?..

Я снова задумался, вспоминая о Лене, Гоше и Валике. Что тебе сказать, дядя? Поведать историю моей надежды на спа-

сение? Или рассказать об умершей невесте, которая держала меня за куртку, не отпуская от гроба? Мне кажется, что ты и так много подобных историй знаешь, так что мои ничего в твоей жизни не изменят.

– Секрет? – спросил водитель, как-то грустно улыбнувшись.

– Не знаю что сказать, – я решил быть честным, чем вызвал одобрителный кивок собеседника.

– Ладно, твоя жизнь и твоё решение. Удачи! Хотя, в этом месте про неё не слышали.

– Спасибо!

Я вышел из такси, направляясь к знакомым домам на горизонте. Сзади заревела машина, пропадая где-то за поворотом. В этот раз я шёл один, да и цели у меня были теперь совсем другие.

Мотоцикл так и стоял во дворе дома. Где-то там его хозяин, оберегающий «железячку» внука. Пара окурков лежала внутри перед облупившимся забором, указывая на живущих в доме людей. Один из них ещё дымил, из чего я сделал вывод, что совсем немного разминулся со стариком. Окинув на прощание мотоцикл, я побрёл дальше, вспоминая двор, у которого стоял Валик.

Магазин я узнал сразу. Моментально вспомнился запах кофе и тощая продавщица, шлёпающая по залу с подносом. А вот и лавочка, на которой сидел сумасшедший! Если мне не изменяет память, то за той синей калиткой он и исчез,

спасаясь от кулака нашего будущего проводника.

Я подошёл поближе и заглянул во двор. Прислонившись к стене кирпичного дома, там стоял знакомый мне посох, а, значит, Валик дома. Я поискал звонок возле калитки, но ничего не нашёл. Пришлось по старинке стучать кулаком, от чего местность вокруг наполнилась грохотом металлической двери. Оглянувшись вокруг, я увидел, как в окошко магазина прошмыгнула чья-то голова. Ладно, с этим мы потом разберёмся и зайдём туда обязательно, а сейчас, мне бы поймать психа за одно место, да выпытать у него тайну спасения.

Я видел, как в окнах соседних домов двигались занавески, скрывая от меня наблюдающих за смертником местных жителей. Возможно, где-то там притаился и Александр, наш горе-проводник, а я бы с ним тоже пообщался. Вроде мы расстались неплохо, и денег ему я дал нормально. Да, ещё и выпивкой угощал! Так что перед ним должок и ещё пара историй, которые могут мне пригодиться при поиске выхода из моей смертельной ситуации.

В доме скрипнула дверь, и я повернулся в сторону двора, отыскивая сумасшедшего. Вместо его на меня смотрела седовласая женщина в зелёной вязанной кофте. В одной руке она держала книгу, а второй оперлась о дверь.

– Здравствуйте! – немного раздосадовано крикнул я. – А Валика можно?

Женщина посмотрела себе за спину, заглядывая внутрь дома. Она положила на что-то книгу и вышла на порог.

– А вы, собственно, кто? – она скрестила руки на груди, показывая свою непоколебимость.

– Я? Ну, я тот человек, которому он предсказал смерть от рук Васьки. Точнее, я один из трёх...

Она поводила головой, что-то рассматривая возле магазина. Затем, разведя руки, спокойно сказала:

– Вижу, что пришёл один, так что, как я понимаю, предсказание Валика сбылось. В чём тогда вопрос?

Я смотрел на эту непробиваемую женщину, стоящую со спокойным каменным лицом, отчего где-то внутри закипала злость.

– Как вы не понимаете! – начал я, но тут же осёкся, осознав, что могу испортить ещё не начавшиеся доверительные отношения. Пришлось говорить спокойнее, но с прежним нажимом. – Мои друзья умерли! Сам я чуть не повесился на галстуках! А ваш сын... Понимаете, мне сказали, что он выжил после похода к дубу, но это же нереально! Васька забирает всех, кто побывает под дерево, а ваш сын ещё и фотографировался там! А это... это самое большое преступление, по мнению мёртвого священника! Ну, я так понял...

– Мужчина, мой сын болен. Он видел, как умер его родной брат – мой старший сын. Что видел под дубом – одному Богу известно, так как он всё забыл в тот же день. Психологи сказали, что это какой-то защитный механизм, спасший его сознание от разрушения. Да, он не умер, но стал сумасшедшим. Вас эта участь миновала, так что готовьтесь к скорому

разрешению вашего вопроса.

– Но послушайте, – я оглянулся вокруг, – когда я видел всякие вещи под тем деревом, ваш сын стоял вдалеке и что-то кричал. И, да, махал своим посохом. Мне кажется, он в курсе, что здесь происходит.

– Все в курсе, – легонько засмеялась женщина, – но из-за этого люди сюда и едут. Вы же здесь тоже не просто так оказались?

– Позвольте мне поговорить с Валиком! Возможно, это моя последняя надежда...

– Послушайте, мой сын спит. А когда он спит – его будить нельзя. Понимаете, он становится буйным, если его растормошить. Учитывая, что ещё прошло не очень много времени с момента его похода в спальню, то проснётся он не раньше, чем через три-четыре часа. Что он будет делать дальше – этого я не знаю, но, если подождёте в магазине, у вас есть шанс получить новое предсказание.

Она развернулась и пошла в дом. Я молча смотрел ей вслед, понимая, что только часть сказанного женщиной является правдой, но в чём именно она врала, – так и не понял.

Оглянувшись на магазин, я вздохнул и пошёл к двери, ещё недавно предвещавшей фотографу горячий кофе.

Продавщица оказалась не та, что была в прошлый раз. Если несколько дней назад у прилавка нас встретила тощая барышня, то сегодняшняя по объёму была раза в четыре больше. Согласен, мнение субъективное, но то, что её размеры выходили за рамки просто полноты, в доказательствах не нуждалось. Я не большой специалист в определении веса людей на глаз, но по моим прикидкам, в женщине было никак не меньше полтора центнера. Правда, в чертах лица было что-то от предыдущей продавщицы, и у меня зародилась мысль, что они вполне могут быть сёстрами. А что? Сегодняшняя повзрослее, но это и не удивительно: старшая сестра всё детство объедала младшую, забирая у той даже подаренные на праздники конфеты.

– Здравствуйте, – поздоровались она очень нежным голосом, – Вы к Жене или к Светке приходили?

Я стоял в ступоре, рассматривая наш столик. Да, ещё совсем недавно Гоша старался выровнять эту заразу, чтоб она не раскачивалась на кривом полу. Потом были кофе, пирожки и бормотуха для проводника. А потом фотосессия, авария, бритва и мои галстуки. Да, сегодня ещё кабина лифта где-то запропастилась, но это уже мелочи и проверка на внимательность. В аварию такси не улетело, а, значит, есть шан-

сы побороть эту тёмную напасть.

– Что вы говорите? – я перевёл взгляд на продавщицу.

– Кто вам был нужен у Григоренко? Женя или Света?

Я наморщил лоб и провёл рукой по лицу. Чего от меня хочет эта женщина? Какая Света? Что за Женя? Мне Валик нужен был, а она со своей ерундой пристаёт. В конце концов может сгодится и Саша, но только тот, что проводником работает.

– Извините, – я решил начать по-хорошему, – у меня тяжёлые дни были... Можно мне кофе? И, если вам не тяжело, объясните, что вы имеете в виду.

Продавщица подошла к чайнику и пощупала его рукой. Затем, взглянув на уровень воды, перевернула в него бутылку. Через несколько секунд тишину нарушил звук подготовки к кофе.

Не проронив за это время ни слова, она вернулась ко мне, протянув парующий стакан. Мне же всё это время пришлось молча стоять, вертя головой в разные стороны. За окном никто не ходил, а в помещении магазина в этот раз было пусто. Даже знакомый таракан не вылез поприветствовать старого друга.

Хлебнув кофе, я чуть не расплескал его, так как из-за туго думающей головы не смог сопоставить пар из стакана с возможной температурой напитка. Продавщица дала мне салфетку, извлечённую из затёртой подставки.

– Ну, вы стучали в дверь к Григоренко, а потом говорили

со Светой. Я так и не поняла, кто вам был нужен, но если Женя, то он ушёл на шабашку. В принципе, я могу подсказать куда он направился.

Какой предприимчивый посёлок! Выживу – обязательно посоветую шефу набрать отсюда людей на коммерческие должности. Не расслышала она... Как же!

– Я не знаю, кто такой Женя, но мне нужен был Валик. У меня дело к нему, так сказать, жизненной важности.

– Женя – это его отец, но его сейчас дома нет...

– Да понял я уже это, – пришлось перебить толстушку, иначе от этого потока информации я никуда не денусь. – А Валик где? Он дома?

– Не уверена, – протянула женщина, рассматривая потолок.

На столе появилась мелкая купюра, с которой нехотя растался мой карман.

– Забудьте про Женю, – я посмотрел в её глаза. – С Валиком что?

Она убрала деньги и приблизилась к моему уху.

– Дома он. А что вам от него надо?

Объяснять этой барышне, что за нужда привела меня в их края, не особо хотелось. Я посмотрел на стакан с кофе, оглянулся назад и указал на столик, за которым мы сидели в прошлый раз.

– Мы там пару дней назад пирожки ели, – в надежде, что мои слова многое объясняет, я повернулся к ней с улыбкой. –

Ага, самые лучшие и, думаю, самые вкусные. А ещё, я угощал вашей бормотухой проводника... Сашей зовут. Кстати, а где он?

– Он сегодня не на смене, – как-то буднично сказала продавщица, падая на стул. – Петя подойдёт через час – он сегодня дорожку ровняет утром.

– Ага, дорожку, – закивал я, делая вид, что всё понял. – Надеюсь, с ним я найду общий язык. Валик Сашу боялся, а что с Петей?

Продавщица засмеялась. Её огромная грудь ходила вверх-вниз в такт её движениям, отчего, вспомнив вчерашний день, мой организм захотел отдать всё употреблённое с самого утра. Хорошо, что я не завтракал, и на меня давило не так много продуктов, что дало шанс сдержаться.

– Валик? Да он никого не боится! Он же сумасшедший! Был случай, когда он Сашку своей палкой так отоварил, что тот потом неделю в кровати пролежал. Он только Сергия боится, но на то свои причины.

Так, некоторые вещи становятся яснее, а некоторые туманнее. Плюс в истории появились новые персонажи. Допустим, с Петей всё ясно – очередной проводник-сказочник, который будет намереваться развести меня на деньги. Валик не боится никого, но от падлы Сашки в тот раз скрылся. Правда, проводник пригрозил ему матерью, что может справедливо лишить его титула «падлы», но делает историю ещё более запутанной. Есть ещё один персонаж...

– Сергей? – я приподнял бровь, показывая своё удивление. – Это ещё что за зверь такой? И имя необычное...

– Раз уж вы здесь были раньше, то могли его у нас видеть. Он часто заходит сюда выпить, а потом, как заполнится до отвала, спит в каком-нибудь уголке.

Я показал пальцем в то место, где в прошлый раз лежало пьяное тело. Не помню, запечатлел ли его Гоша, но, если выберусь сегодня живым, обязательно постараюсь найти отсюда все фотографии. И как мне раньше не пришло в голову их пересмотреть?

– Там? – я продолжал стоять с вытянутым вперёд пальцем, возвращая к памяти то злополучное утро. – Мы видели пьяного в том углу.

Продавщица проследила за моим движением и пожала плечами.

– А я откуда знаю? Сергей может лежать и рядом с холодильниками... или вообще завалиться за прилавок.

– Понятно, – отмахнулся я, но в ту же секунду, словно молния пронзила моё сознание. – У него синяя шапка с большим помпоном и надписью... не помню надпись...

Что-то подсказывало, что это важный персонаж, иначе Валик бы его не боялся. Спасибо, память, что смогла вернуть в затуманенное сознание этот важный элемент.

Продавщица кивала, а по её лицу расплзалась улыбка.

– Он самый. Он своим помпоном меня постоянно смешит. Знаете, мне кажется, что только у детей могут быть такие

шапки, а тут, взрослый человек, к тому же священник. Отец Сергей...

– Отец? – удивился я, не дав женщине договорить. – Ещё один священник?

– В смысле «ещё один»? – пришло время удивляться продавщице. – А, вы про то, что у нас в церкви служит Иоанн, а тут я ещё и Сергия отцом назвала? Ну, для нашей церкви двоих святых отцов много, но Сергей давно покинул приход, а вместо него прислали Иоанна.

Женщина, знала бы ты, кого я имею в виду под первым священником, то вряд ли бы так радостно рассказывала свою историю. Хотя, неужели она не знает, кем являлся Васька при жизни? Правда, как раз я этого и не знаю, но по внешнему виду он явно был служителем церкви. Не удивлюсь, если он был простым разбойником, который ограбил священника и ушёл в его одежде – не представляю, чтоб божий человек приносил души дьяволу.

Продавщица придвинула ко мне тарелку с пирожками. Правильно поняв намёк, я кинул на стол ещё одну мелкую купюру и принялся жевать. Желудок, убитый вчера алкоголем, не сильно радовался пище, но я продолжал механически двигать челюстями. Ничего, потерплю... ради дела и не такое вытерпишь, к тому же, пирожок с картошкой оказался вкусным.

– Так что там с Сергием? – я продолжал жевать, поглядывая по сторонам. Священник-алкоголик на улице не появ-

лялся, да и проводника не было, так что придётся коротать время за разговорами с продавщицей.

– А что с ним? – та пожала плечами. – Он хотел разобраться с проклятием, нависшим над нашей деревней. Пошёл к дубу договариваться и... Не знаю, как это назвать, но он выжил, и уже живёт после этого лет десять. Правда пьёт безбожно, но после посещения дуба это не самое страшное, что может произойти с человеком. К тому же, после дуба он ушёл из церкви через неделю.

Почти всю вторую часть её монолога я пропустил, так как услышал главное: Валик не единственный выживший! Сергей! Местный священник, много лет назад покинувший церковь, выжил! Выжил!

«Так», – облокотился я на прилавок, впившись взглядом в глаза женщины, чем явно её испугал, – «Сергей ходил к дубу договориться? И ему это удалось... значит... Так, о чём он мог говорить с Васькой? Ну, они, теоретически, оба священники, и общие темы могут найти, но всё же... О чём мог говорить живой священник с мёртвым? Спросить, туда ли он отправляет души умерших, или их лучше пускать в пищу Дьяволу, и остаться жить после смерти? Ну... жить... Не могу я Ваську называть живым, но всё же он находится не там, где должен быть по церковной задумке. Да, он что-то знает, теперь и Сергию известно нечто, отчего он запил и бросил церковь... Надо идти к алкашу и договариваться! Я буду каждый месяц присылать ему по ящику водки и пакету

закуски, пусть только решит всё за меня!»

– Мужчина, вы в порядке?

– Я? Сейчас – да.

Я одним глотком выпил немного остывший кофе – жара не ощутил, но несколько слёз на глазах появились. Кинув в карман ещё один пирожок, я аккуратно положил перед продавщицей купюру в двести гривен.

– А это за что? – она приподняла брови, рассматривая деньги.

– Сейчас забудьте всё, о чём мы с вами говорили до этого. Теперь новая вводная: где Сергей? Вы видели его утром? Может, он тоже на шабашку пошёл?

Убирая купюру в карман, женщина огляделась по сторонам и заговорила шёпотом:

– Сергей? На шабашку? Да не смешите вы меня. Скорее всего, он дома лежит с бодуна. Вчера у нашего поселкового головы день рождения был, так он там хорошо приложился к стакану. Думаю, раньше обед не поднимется. По крайней мере, я его сегодня не видела.

– Хорошо, – я медленно потёр руки, – тогда второй вопрос: где он живёт?

– Выйдите из магазина и пойдёте направо. Там, на противоположной стороне, шестой или седьмой дом от дома Григоренко. Он разваленный немного, так что вы его ни с чем не спутаете.

Я отошёл от прилавка и молча махнул рукой. Говорить не

хотелось, так как открытый рот мог выпустить всю гамму радостных эмоций, скопившихся за последнюю минуту. Выйдя на улицу, я показал средний палец дому Валика, направляя своё послание его матери.

– Катитесь вы к чёрту со своим сыночком! – я махнул рукой их дому и направился в правую сторону.

Зачем мне псих, если есть алкаш-священник? С таким человеком договориться будет значительно легче.

Рассматривая дом, я вспоминал слова продавщицы. Сказать, что он немного развален – не сказать ничего. Естественно, в глаза сразу кидался забор. Заваленный вглубь двора, он будто был готов в любую минуту прилечь отдохнуть на огромные сугробы снега, подпиравшие его с обратной стороны. Мне показалось, что по весне, когда начнёт сходить снег, этот забор просто будет опускаться вместе с ним, пока не достигнет земли. Его узкие доски многократно сгнили, уничтожив зелёную краску, нанесённую в несколько слоёв.

Калитка оказалась приоткрытой, приглашая путников войти во двор. Это было кстати, так как ручка на ней отсутствовала, и мне пришлось бы ломиться, словно вору.

Оказавшись внутри, я посмотрел на собачью будку. Цепь порвана, миска перевёрнута, в крыше дыра – надеюсь, в таких условиях хозяин не будет держать собаку и на меня никто оттуда не кинется.

Дом, покосившуюся трубу которого я видел за засыпанными снегом фруктовыми деревьями, предстал передо мной во всей красе. Вместо двери здесь была натянута толстая занавеска (смею отметить – хорошего качества). Потрескавшиеся ставни закрывали окна, но мне почему-то показалось, что в одном из них я не увидел стекла. Кирпич оказался облу-

ценным и, местами, потрескался, отчего дом казался израненным. Перед обвалившимися деревянными ступеньками стоял старый стул с закруглённой металлической спинкой. Рядом была пепельница из старой банки, название на которой уже не прочесть. Я бы в таком доме точно не жил, но мне этого и не надо.

По скрипнувшим ступенькам я осторожно поднялся к двери-занавеске. Отодвинув в сторону странную преграду, я увидел внутри снег, лежащий небольшими горками у порога – похоже занавеска не особо мешала стихиям врыватья в дом.

В этом маленьком предбаннике не было ничего, кроме лопаты для чистки снега, которой хозяин явно давно не пользуется. Зато тут оказалась широкая деревянная дверь, на которой красовался вырезанный православный крест. Потянув на себя ручку, я сделал шаг в просторную комнату.

Здесь отчётливо чувствовался запах алкоголя. Я привык к дорогим напиткам, поэтому аромат, доносившийся со всех сторон, показался вонючим. На столе, придвинутом к окну, стояла пустая бутылка. Крышка лежала рядом, освещённая падающим через щель в ставнях уличным светом. На полу валялся перевёрнутый гранёный стакан, очертания которого я различил по знакомым контурам.

На грязном полу расположился коврик, о котором, как я понял, принято вытирать ноги. В дальнем углу я обнаружил печь, которой отапливается дом, а также кастрюлю, накры-

тую полотенцем. Перевернутый вверх ножками стул стоял у двери, расположившейся на дальней стене.

Зайдя в комнату, я вытер ноги о коврик и прокашлялся – несмотря на моё нетерпение, придётся вести себя спокойнее и не расхаживать по дому в поисках хозяина. Через несколько секунд за дверью раздался шорох, и охрипший голос ворвался в мой мир:

– Кто пришёл к божьему человеку?

Дверь открылась, впуская ко мне мужика в синей шапочке с помпоном. Он был в грязной фуфайке, старых спортивных штанах и валенках. В руке незнакомец держал ножку от табурета, перемотанную скотчем. Его оружие посмотрело в мою сторону, отчего у меня по телу побежали мурашки. Я только заметил, что самую верхушку ножки украшают несколько криво забитых гвоздей.

Признаюсь, я хоть и видел Сергия раньше, но сейчас удивился представшей передо мной картине. Скорее всего это было вызвано чистым лицом, никак не соответствующим внешнему виду человека.

– Здравствуйте, я Миша.

Моя рука автоматически протянулась вперёд, подставленная для рукопожатия.

– Ну, здравствуй, Миша, – с подозрением посмотрел на меня человек. – Зачем пожаловал?

– Дело у меня к вам... Понимаете, мне надо решить один вопрос, и в моём понимании, вы один из двух человек, ко-

которые мне могут в этом помочь. Я заплачу за это, не беспокойтесь.

– О, как! – ножка от табурета опустилась вниз, а сам хозяин дома шагнул мне на встречу с протянутой рукой. – Серёга. Ну, как говорится, рад знакомству. Извини, выпить за это дело нечего, но, как я понимаю, за этим не заржавеет.

Он рассмеялся и поднял перевёрнутый стул. Усевшись поудобнее, Сергей вытащил из кармана пачку сигарет. В голове кружило туманное воспоминание, о том, как я вчера пробовал закурить, отчего голову повело, и я облокотился о стену. Прямо ко мне тянулась пачка, предлагая угоститься дешёвой сигаретой без фильтра.

– Спасибо, не курю, – качнул я головой.

– Ну, как знаешь, – Сергей пожал плечами, доставая себе одну сигарету. – Курить на улицу не пойду, а то могут ноги подвести. Так что там у тебя?

В потолок устремилась первая порция выпущенного дыма.

– Может окна откроем? – я в надежде посмотрел на закрытые ставни.

– Окна я не открываю, – прохрипел Сергей, – а то свет глаза сожжёт. Я редко хожу в яркие дни на улицу, всё больше живу отшельником. Короче, почти праведный человек!

– Ладно, Сергей...

Рука с сигаретой взметнулась вверх.

– Это раньше я был Сергием. Да и для местных остаюсь

по старой памяти батюшкой с этим именем. А для приезжих я просто Сергей, так что не умничай и давай рассказывай, что за напасть могла ко мне привести. Я-то уже давно не исповедую и не отпеваю, так какая с меня польза может быть?

– Понимаете, – я потупил взгляд, – надо мной нависла опасность близкой смерти. Два моих товарища уже умерли, и я...

– Ты к дубу ходил? – он развёл руками. – Тогда всё правильно. Помрёшь ты скоро, парниша, так что, если у тебя дело ко мне какое есть, то не томи и плати вперёд! А то мало ли, сдохнешь ненароком не расплатившись.

– В том-то и дело, что я не хочу умирать...

– Так никто не хочет! – рассмеялся Сергей, бросив на пол сигарету. – Но тут уже ничего не поделать.

– Но я же знаю, что шанс есть! Вы ходили к дубу и остались живы! Валик этот тоже не умер! К тому же, как я понял, вы о чём-то там договорились... Вот и появилась у меня такая мысль, что вы и за меня сможете поговорить. Если такое возможно... Или научите, что сказать, чтоб я сам договорился. Ну, а я в долгу не останусь.

– Рассказал уже кто-то из местных... Наверное, бабы! Эх, повырывать бы им языки, да силы у меня уже не те! Договориться он хочет... Да чего ты переживаешь? Отец Василий заберёт тебя и делу конец.

– Васька...

– А, ну, или так... Васька... Про божьего человека гово-

ришь, так что... не надо... Лучше с уважением. Это убогим можно так о нём говорить, Господь их не зря разума лишил.

Сергий встал и направился к печи. Он поставил чайник, который достал из тёмного угла, при этом постоянно что-то нашептывал себе под нос.

– А кто этот Отец Василий? Чего он хочет? Зачем он убивает людей? И, главное, за что? Неужели ему так не нравится, что люди фотографируют дуб?

Открыв крышку чайника и довольно качнув головой, бывший священник вернулся на прежнее место.

– Кто? Зачем? Столько вопросов... Ладно, расскажу тебе кое-что, а то помрёшь, так ничего и не поняв. К тому же, передать уже вряд ли кому успеешь. Он и раньше убивал, когда ещё фотоаппаратов не было. Отец Василий был первым известным священником в этих краях, который переметнулся на другую сторону.

– К-куда? – заикаясь спросил я.

– Туда, – показал он пальцем вниз. Искусил его нечистый, наобещал чего-то, о чём мне неизвестно. Ну, Васька... тьфу ты... Отец Василий и поддался на соблазн. Начал он немного текст менять в проповеди своей. И не такой уж плохой Дьявол у него получался. Ну, балуется он немного... Ну, людей совращает... Так глянь в Библию и скажи, сколько человек он убил? Скажешь?

– Нет. Я не настолько религиозен.

– Ну и ладно. Тогда я скажу: ни одного.

Мои глаза округлились.

– Серьёзно?

– Да. Бог наказывал, убивал, просил жертвы, а Дьявол...

Он по сравнению со Всевышним белый и пушистый. Вот Василий про это и говорил. А дальше... Начал он людей на поляну водить. Точнее, это уже потом узнали, когда выследили его, а до того момента, просто находили тела с вырезанным сердцем. Приведёт Василий кого-то ночью под тот дуб, сердечко ему вырежет, и под деревом прикопает. А тело потом лежит, собаками пожираемое. Люди начали останки находить по округе, ну, и устроили засаду. Думали, волк орудует, а когда поняли правду, стало ясно, где он порылся... да ещё овечью шкуру надел. Агнец, бя... Ну, Ваську то на дубе и повесили. Когда он перестал брыкаться, его оставили подсохнуть немного на солнышке, а третьего дня там же и схоронили. Да не подумал никто, что таким образом его душу с телом на его алтаре и разместили! Сердце ему никто не вырезал, вот он и остался жить... ну, или не жить. В общем, обитает там отец Василий, и жертв поджидает. Я так понял, что он от дуба отойти не может, вот и ждёт туристов, чтоб порадовать своего господина. Пришёл к нему в гости – считай с собой его и забрал. Подцепляется он к чистой душе, и вместе с ней путешествует, пока мыслями или делами не заберёт. Человек постоянно начинает думать о смерти, ходит с забитой головой, пока где-то не оступиться или сам с собой чего не сделает. В некоторых случаях Василий любит

сам помогать душам расстаться с телами, но это если сильно скучно ему становится. Вот тогда он о своих силах, дарованных хозяином, и вспоминает. Сейчас лифты обрываются, или машины в столбы влетают. Бывает, кто-то на транспорте в намеченные жертвы врезается. А раньше мог конь забить, или ещё какая напасть приключилась.

– Так он и с нами ушёл?

– А как же! Ушёл и бродит недалеко от жертв, пока работу не выполнит. А когда закончит свои труды, так сразу к дубу и вернётся – привязал его туда хозяин, телом не разлагаемым держит у самого корня. Василий бы и рад уйти, но не может.

Хозяин дома замолчал, покручивая между пальцами ещё одну сигарету. Дёрнувшись, он подбежал к печи, рывком снимая крышку с чайника.

– Твою чёрта мать! – закричал Сергей, обжигая пальцы.

Крышка полетела на пол, а чайник переместился на край печи, который, как я понял, не нагревается. Пошарив рукой в тени самого дальнего угла, бывший священник достал две чашки и пачку чая. Я наблюдал за всем этим, радуясь, что разговор завязался, и прекращать его мой собеседник явно не собирался. Правда, теперь я стал посматривать по сторонам, ожидая в любом тёмном углу увидеть мёртвого священника, перебирающего чётки.

Сергей налил чай в грязные кружки. Посмотрев на посуду, пить перехотелось напрочь, но взгляд хозяина дома призывал попробовать напиток. Когда я отхлебнул горький чай,

Сергий удовлетворённо крикнул и похлопал меня по плечу.

– Ну? Как тебе?

– Вкусно, – соврал я, загоняя поглубже желание начать плевать. – Сергей, а почему про эту историю ничего не известно? Я не находил никаких упоминаний про отца Василия, и уж тем более про сатанинские обряды священников.

– А ты сам подумай, – он отхлебнул чая и поставил кружку на стол, – кто из религиозных чинов захочет, чтоб эта информация гуляла по миру? Раньше люди об этом знали, но сейчас не осталось тех, кто помнил бы эту историю. Конечно, не учитывая наших жителей. Церковь постаралась спрятать все концы: где надо – подсказали что говорить, где смогли – запугали анафемой. Короче, история про священника, переметнувшегося на другую сторону, живёт только здесь.

Я поставил кружку и почесал голову: теперь я знаю больше, но толку от этого ещё меньше.

– Сергей.... Э-э... Сергей, а почему местные не срубят это дерево? Ведь оно действительно приносит беды, и вы же сами гибнете из-за отца Василия. Я помню, что молнии бьют осмелившихся, да и прочие гадости происходят, но... вы же мужики, в конце концов...

Сергий сел на стул и снова закурил. Белая пелена дыма повисла перед нашими глазами, скрывая и так с трудом различимые предметы. Мне казалось, что он задумался, так как одной рукой подпёр голову, в то время, как другой не вынимая придержал во рту сигарету.

– Сука, как тяжело после вчерашнего, – наконец вырвалось изо рта бывшего священника. – Ты бы хоть чекушку захватил с собой...

– Сергей, я заплачу столько, что тебе хватит не только на чекушку, а и ещё на много чего. Главное, чтоб ты смог мне помочь, а дальше... за мной не заржавеет.

– Эх, не уверен, но думаю, что есть шанс с ним договориться, – он поднял на меня взгляд, полный мучений после вчерашней гулянки. Неловко подмигнув, бывший священник хлопнул себя по колену. – Ладно, это я беру на себя. А дерево... зачем его рубить? Какой-никакой, а заработок местным проводникам и магазинам. Сами-то мы туда не ходим и детей своих не пускаем... Хотя, есть исключения... Нас с рождения учат, что ходить туда опасно, и что это не просто красивая формулировка, а чистая правда! Затем, когда мы идём в школу, детям на уроке безопасности рассказывают, что там живёт демон... или Дьявол... или просто дыра в преисподнюю открыта. Короче, всё равно во всём районе нет ни одного человека, который не потерял бы из-за дуба хотя бы одного друга или знакомого. Теперь они все верят, и готовы приезжающим туристам за звонкую монету поведать страшные истории. Приукрашивают, конечно, но суть передают точно – туда не ходи, иначе умрёшь.

Я молчал, переваривая услышанное. Звучало, как очередная сказка-оправдание для приезжего. Мол, все кого-то потеряли из-за дуба, но срубить его не можем – бизнес у нас

свой... специфический! Типа, мы не трусы, а бизнесмены, мать их...

– Так, а со мной что? – спросил я осторожно, понимая, что становлюсь частью бизнеса.

– С тобой? – Сергей выпустил в потолок струю дыма. – Да ничего особенного... Вот сейчас докурю и пойдём, попробуем договориться с Василием. Только деньги сразу давай.

Я полез в карман, обдумывая сколько бы дать.

– Ну, могу сейчас выделить тысячу гривен, а после успешного исхода... Там ещё несколько раз по столько дам.

– Так, выгребай всё! А то надумал здесь цены устанавливать. Тебе эти деньги, может, уже не понадобятся, если Василий тебя раньше встретит, а мне за бесплатно работай? Попрёшь ненароком, а Сергею потом труп обирать? Да я же Божий человек! – хозяин дома с улыбкой стукнул себя по коленке. Увидев моё перекошенное лицо, он рассмеялся и откинулся на стуле. – Не, ну вы на него только посмотрите – испугался-то как! Не ссы, парень, шучу я – поживёшь ты ещё! А вот деньги всё же отдавай все – такси через телефон оплатишь. По рукам?

Он протянул свою ладонь, заискивающе улыбаясь.

– По рукам, – сказал я, выворачивая всё содержимое кошелька.

На пол посыпалась мелочь, накрываемая сверху шелестящими купюрами. Сергей в ту же секунду сорвался со стула, кинувшись собирать свой заработок. Готов поклясться, что

он не упустил ни одной монеты, выискивая их в полумраке комнаты.

Когда дело было закончено, бывший священник разложил деньги на грязном столе. Аккуратно, как будто боясь снова растерять их по полу, он перекладывал купюры из одной кучки в другую.

– Три тысячи пятьсот семнадцать гривен! – сообщил он мне сумму, которую даже я не знал. – Ну, и ещё тридцать пять копеек. Нормальное начало утра, скажу я тебе. Ну что? Пошли?

Он надел чёрные очки и направился к выходу из комнаты. Я последовал за ним, чувствуя сильное возбуждение во всём теле. Самым странным было то, что моя жизнь сейчас зависит от этого алкоголика, а я с отрочества привык решать большинство вопросов сам.

Мы вышли из комнаты, остановившись перед занавеской. Сергей рассматривал лопату, приютившуюся в ближнем к нему углу.

– Интересно, там сейчас дорожка расчищена или нам придётся поработать руками?

Он оглянулся на меня, кивая на лопату

– Сергей, нам не так далеко идти. Конечно, снега после нашего посещения, накидало, но я не думаю, что мы не проберёмся через него. К тому же, мне сказали, что её пошли чистить...

– Не скажи! – хозяин дома поднял вверх указательный палец, акцентируя внимание на важности дальнейших слов. – Там овраг перед равниной, а это значит, что?

– Что туда могло намести снега, – ответил я, в отчаянии посмотрев на лопату. – Но разве мы не проторим себе путь?

– В прошлом году овраг закидало так, что я мог поместиться в нём в весь свой рост. Куда уж тут тропы торить?

– Так что, нам придётся откидывать стену снега, в пару метров высотой? Да мы там пропадём!

– Ты жить хочешь? – с прищуром посмотрел бывший священник.

– Хочу, – выдохнул я.

– Тогда... – указал он рукой на лопату.

Деваться было некуда и я, в предчувствии скорого физического труда, быстренько размял руки.

Обернувшись на дверь, Сергей прикоснулся к ней ладонью. Я вспомнил про крест, вырезанный на ней чьей-то рукой.

– Спаси и сохрани, – прошептал бывший священник, посмотрев вверх. Я повторил его движение, намереваясь найти на потолке спасителя, но там была только облупившаяся побелка. Возможно, при хорошей фантазии там можно найти несколько святых ликов, но мне сейчас было не до этого.

Откинув занавеску, мой спаситель вышел во двор. Он шёл вперёд, даже не оглядываясь в мою сторону. Возникло чувство ненужности, но я старался не отставать. Из окон смотрели люди, по привычке старающиеся спрятаться, когда я поворачивался в их сторону. В итоге, чтоб не смущать местных, я опустил взгляд вниз, идя нога в ногу за Сергием. Как и следовало ожидать, на очередном шаге я врезался в его спину.

– Тихо! Не видишь куда прёшь? – посмотрел через плечо улыбающийся спаситель. – Ты точно уверен, что хочешь туда сходить второй раз? Не уверен, что проклятия умеют удваиваться, но, как говорится, с чем чёрт не шутит.

Я посмотрел через его плечо и увидел в десятке метров от себя знакомую табличку. Всё та же синяя краска и всё те же слова: «...Мы вас предупредили!». Да, вы нас предупрежда-

ли, а мы, как бездумные существа, пошли на убой, принеся свои души на алтарь Дьявола. А теперь я стою здесь второй раз в жизни и готовлюсь совершить страшное безумие – снова подойти к дубу. Сергей сказал, что можно не фотографироваться, так что мне и простого посещения должно хватить, чтоб умереть два раза.

– Уверен, – я положил ему руку на плечо. Сейчас мы выглядели, как слепой и его проводник, ведущий путника в странный, но важный для него конец пути.

– Ну, пошли, – выдохнул Сергей, похлопав меня по руке. Табличка осталась позади, а на горизонте маячил дуб, до которого надо идти через овраг, так старательно заметённый снегом. Сергей посмотрел в мою сторону и пригласительно показал вперёд. Я снял с плеча лопату и кинул в сторону первую порцию снега.

Поработав десять минут, я сплюнул в сердцах, делая шаг в снег. Вначале шлось хорошо и я даже прошёл метров пять, пока не провалился по пояс, увязнув, как муха в варенье.

– Может, лопату дать, – смеялся мой спаситель, облокотившись на её черенок.

– Да, будьте так любезны, – развёл я в стороны руки, делая подобие реверанса.

Лопата полетела в мою сторону, попав краем черенка мне в лоб.

– Не зевай, – засмеялся Сергей, вытягивая из пачки сигарету.

– Да ты... издеваетесь, товарищ проводник?

– Есть немного, – снова смех с переходом на серьёзный тон. – Ты, пока будешь копать, одним ухом слушай меня. Я не хотел тебе этого рассказывать, так как боялся, что свернёшь назад, но сейчас вижу серьёзность твоих намерений... В общем, чтоб договориться с отцом Василием, нужно это делать воочию... Ну, я про то, что не с его призраком общаться, а с не ислевшим телом... Короче... так молчи и продолжай копать. Значит так... когда его убили, то закопали и поставили сверху крест. Наверное, думали, что православный символ удержит слугу дьявола, но это не помогло. На сколько я знаю, прочитав об этом в церковных книгах, некоторые были против установки креста на могилу продавшего душу, но старики настояли. Вроде как, всё равно он человек, и должен быть схоронен по всем обычаям. Так вот, тебе надо его откопать...

– Что? – я остановился, вытирая со лба пот. – И как я это сделаю этой лопатой? К тому же зимой!

– Копай, не отвлекайся. Вот если бы вы нас слушали, то не ходили бы к дубу, и жизни свои сохранили, а так... Вся проблема современной молодёжи в неумении слышать старших. Ну, ладно... Короче, слушай и копай! Его откопали ещё лет сто назад. Может больше... может меньше... не важно. Кто-то, стараясь завершить череду смертей, решил выкопать тело и спалить. Имя смельчака нам не известно... но тут Отец Василий его и настиг. Короче, тело священника накрыли де-

ревянным щитом, который чудесным образом не гниёт всё это время... Там земли над ним не больше десяти сантиметров, так что ты и этой лопатой справишься, а там уже дело техники – погугарим по-свойски с отступником.

Я продолжал копать, а он всё курил. Одну за одной Сергей оприходовал сигареты, как будто стал бессмертным, и не боялся последствий этой пагубной привычки. А, может, просто волновался, готовясь ко встрече со своим старым знакомым.

Я копал не меньше часа. Руки, непривычные к тяжёлому труду, ныли так, что хотелось всё бросить и пойти домой к Сергию выпить ещё кружечку вонючего чая. Но в какой-то момент я вдруг осознал, что ковыряться в снегу больше смысла нет, так как его глубина не поднимается выше моего колена. Довольно хмыкнув, я поднял вверх большой палец. Сергей, выкуривший уйму сигарет, кивнул в ответ на мой жест и выкинул очередной окурок. Я посмотрел ему под ноги, обнаружив там больше десятка торчащих из снега пожелтевших кончиков бывших сигарет.

Сейчас я стоял у подножия небольшого возвышения, за которым начиналась равнина со страшным дубом. Путь был только вперёд, отчего мои руки медленно тряслись. Или это от усталости и перекиданного снега?..

Сергей показал мне идти вперёд, а сам мелкими шагами засеменял следом.

– Ты молитвы знаешь какие-нибудь? – раздался сзади его голос.

– Зачем? – я остановился и посмотрел на его задумчивое лицо.

– Да, так... на всякий случай...

– Думаете, поможет?

– Отца Василия, наверное, не убьёт, но душу может спасти, – пожал он плечами, показывая мне идти дальше.

– Вы сами-то в это верите? – зашагал я по равнине, направляясь к раскидистым ветвям дерева.

– Я? Если бы верил, то не покинул бы храм пять лет назад.

Я шёл, всматриваясь в приближающуюся цель. Дуб, всё также спокойно стоял на горизонте и никакой ветерок не прерывал его покоя. Шаги сзади прекратились, отчего я тоже резко встал, как вкопанный. Оглянувшись назад я увидел Сергия, вынимающего очередную сигарету.

– Ну, чего вы стоите? – опёрся я на лопату. – Мы уже у самой цели.

– Дальше я не пойду, – спокойно сказал бывший священник, поджигая сигарету.

– Да ну, ё-моё! У вас тут так принято: дойти почти до места, а потом стоять с выпученными глазами и мямлить всякую хрень?

– Видишь ли, каждый должен сам договариваться за свою жизнь. Ты не первый пришёл сюда за этим... Извини, что сразу не сказал – побоялся, что не пойдёшь, повернув назад. А сейчас, когда ты стоишь возле дерева, вряд ли надумаешь возвращаться. Ты уже седьмой, которого я привожу сюда на

разговор с отцом Василием, и одиннадцатый, из пришедших ко мне. Четверо отказались ещё у меня дома, узнав, что им самим придётся говорить с мертвецом. А вот семеро пришли и поговорили, так что не переживай – раз ты уже здесь, то разговор состоится.

– А чем закончились их беседы? Им удалось спастись?

Я от волнения чуть не падал, стараясь удержать в руке свою опору. Сергей снова улыбался, попыхивая в небо сигаретой.

– Этого я не знаю. Всякий раз, когда появлялся отец Василий, мне приходилось покидать это место... он ведёт свои беседы с глазу на глаз. По крайней мере, когда-то мне он сказал именно так. А чтоб ты не считал, что я убежал, поступив, как все наши проводники, я подожду здесь, пока не появится отступник.

– Ну и чёрт с тобой, – я взял в руки лопату и направился к дубу. – Сам договорюсь! А ты за это больше ничего не получишь! Копать где? Скажешь, или мне и об этом самому догадаться надо?

– А чего же не сказать? Скажу... Справа от дерева... там вниз смотрит ветка, как будто показывая, где закопали отступника. Ты снег лопатой соскреби, и немного покапай. Эта крышка деревянная и довольно большая, так что точно не промахнёшься.

Ага, не промахнусь... Очень бы хотелось в это верить, учитывая замёрзшую землю и не самую крепкую лопату.

Я встал рядом с дубом, осмотрелся по сторонам и направился к тому месту, куда указывала ветка. Оглянувшись на Сергия, махнул ему рукой, мол, всё под контролем – свою цель я нашёл. Встав рядом с нужным местом, я начал откидывать снег. Мысли кружились вокруг нашего посещения дуба и странной фотографии, для которой Лена позировала, словно повешенная. Почему тогда она порезала вены, а не накинула на шею петлю? Пусть бы сделала её из моих галстуков, тогда мне не осталось бы на чём висеть, и, возможно, тогда именно я порезал бы себе вены. Вот же... Ну как можно спокойно жить на белом свете, когда в голову лезут такие мысли? Ничего, я ещё поживу, а вот они... Да, они умерли, но Лена сама хотела сюда поехать, так пусть она и платит за приключения. Я-то здесь причём?

Нет, я её люблю... любил... не важно! Мы были бы вместе всю жизнь! Сыграли бы свадьбу через пару лет! Поехали бы в Испанию на медовый месяц! Но, нет же! Ей был нужен этот чёртов дуб! Теперь она в белом платье разлагается внутри деревянного ящика, дожидаясь меня... Ха-ха! Моя бывшая «будущая тёща» не угадала с этим! Почему? Да потому, что я себя для неё беречь не буду! Я найду себе новую девушку, начну называть её невестой, а её маму – будущей тёщей! И не отпущу её ни в какие мистические места, а от всяких сект отгонять буду ремнём! А то ещё влезет куда-то, а потом ночью тайный почитатель очередного отца Василия перережет нам глотки. Всё! Баста! Вот сейчас докопаюсь до мёртвого

священника, решу с ним вопросы и поеду домой. Попросит людей приводить? Буду заманивать таких же придурков, как Лена и её друзья по форумам. Предложит помогать сайтом заниматься? Да я им его таким классным сделаю, что поток идиотов увеличится в разы! Я даже готов переехать в этот чёртов Выгон, только бы проклятый священник забыл дорогу к моему месту обитания.

За этими мыслями, я и не заметил, как откопал почти всю деревянную крышку. Лопата гнулась, трещала, но с делом пока справлялась. Я остановился на мгновения, рассматривая свою работу. Старый, криво сбитый деревянный щит, оказался почти весь откопанным, сохранив под слоем земли только свои углы.

– Может круг солью начертить? – я показывал Сергию на выполненную работу.

– А ты её с собой взял? – рассмеялся бывший священник.

– Нет...

– Тогда не тринди, а займись делом, – он снова полез в карман, но там оказалось пусто. – Твою мать! Ладно, всё равно скоро уходить. А ты копай! Чего остановился?

– Да копаю я... копаю, – выдохнул я, не желая признавать рвущую тело усталость. Загнать в прежнее состояние себя не удалось, так что оставшуюся работу я делал медленно и очень аккуратно.

Когда вся крышка была откопана, я вставил под неё край лопаты и, перегнув её, как рычаг, начал поднимать вверх

скрывшие покойника доски. Я уже начал представлять себе что-то из старых фильмов, наподобие «Сонной ложины», подсказывая тем самым своей фантазии, что рисовать. Тело монаха должно лежать нетронутым... Дерево будет обвивать его корнями, плотно обхватив почерневший крест, и... А вот хрен там! Внизу лежал человек, прикрывая своим телом ещё кого-то. На нём, вместо священнической рясы, оказался спортивный костюм и кроссовки. Бороды тоже не было, лишь выбритое лицо, с разорванной кожей и явными следами разложения. Тело незнакомца обвито верёвкой, а рот завязан обычным женским платком.

Я обернулся к своему проводнику-спасителю, не понимая, что сейчас происходит.

– Сергей, так это же не тот священник... Васька по-другому выглядит... или это не священ...

Я не успел договорить, так как лопата, которой я только что откапывал крышку, въехала в мою голову. Удар был настолько сильным, что ноги подкосились и я в очередной раз оказался возле дуба на четвереньках.

– Крепкий какой, – засмеялся Сергей, нанося второй удар. Сознание меня покинуло, уступая место бесконечной тьме, рождающей ассоциации с новыми домами Лены и Гоши.

Было очень холодно. Я лежал на спине и не мог пошевелить конечностями, затёкшими по непонятной причине. Пальцы на руках двигались, значит паралич не полный и есть шанс не остаться калекой на всю жизнь. После такого удара, боюсь даже представить, как сейчас выглядит моя голова. Наверное, как у того парня, нашедшего покой в яме...

– Сука, – простонал я, понимая, что нормально выговорить это слово не могу – что-то сдавило рот, не выпуская наружу язык. Ну, что же, придётся попробовать открыть глаза, иначе вообще ничего не будет понятно. Хотя, я уже догадывался где сейчас нахожусь и что происходит сверху.

– Очнулся! – радостно закричал Сергей, заглядывая в яму. – А то я уже думал домой идти. Точнее сказать, я бы и ушёл, да хотелось выполнить одно из твоих желаний. А знаешь какое? Нет, не выжить... об этом и не мечтай. Ты хотел получить ответы... ну, теперь я могу рассказать, как здесь на самом деле обстоят дела, всё равно ты никому уже это не перескажешь... разве что своим коллегам, лежащим снизу. Знаешь, какая твоя самая большая ошибка? Ты решил пойти против заведённого порядка, а отец Василий этого очень не любит. Но просто забрать душу человека, посмеявшегося нарушить его законы, для отступника очень мало. Таких людей

он жаждет принести в жертву на алтаре, а не где-то в другом городе или далёкой стране. Вот тут и появляюсь я... Точнее сказать, все те, кто подсказывает тебе путь к отцу Сергию – пьянице, узнавшем что-то от мёртвого священника. А моя задача, уговорить тебя сходить ещё раз к дереву, где ты и отдашь душу во славу Владыки, которому поклонялся отец Василий. К моей большой радости, тебя уламывать не пришлось – ты согласен был идти, хоть на край света, чтоб жизнь сохранить. Вот и пришёл, ещё и дорожку нам почистил! Всех остальных пришлось уговаривать, давать им иллюзию спасения у проклятого дерева. Скажу честно – не все в это верят. И не даром! Всё равно никто живым не оставался, если отступник на него глаз положил.

Он засмеялся, отходя куда-то в сторону. Мне оставалось только выть, с трудом выговаривая слова завязанным ртом.

– Извини, парень, но это всего лишь бизнес. Каждому в нём место нашлось – и мне, и Ваське, и другим людям. Понимаешь, не всем так повезло с проклятием, как нам... Можно не согласиться, но, если уметь пользоваться его особенностями, то об обычной работе можно позабыть. Если не поддерживать легенду, то она умрёт, и никто больше не придет к нам в Глубокий Выгон. Денег не будет – придётся идти работать. Да и жертв Ваське не станет, а он от этого может разозлиться. Вот и запустили мы эти сайты, посвящённые дубу... Раньше, конечно, такого не было, но сейчас! Спасибо технике и прогрессу за это! Будешь смеяться, но у нас и

казна общая появилась, с которой всем денег отсыпают. Конечно, и среди наших ребят есть те, кто гибнет от проклятия, но... в общем, осторожнее надо быть.

Он снова отошёл, зашумев крышкой по снегу. Угол будущей крыши моего дома появился в поле зрения, закрыв часть неба.

– Не было ни у кого договоров с отцом Василием... Да и я, по правде сказать, не за решением финансового вопроса сюда шёл. Мне хотелось поговорить с отшельником, вымолить у него спасение для людей. Ну, или хотя бы для наших... местных. Думал, найду что-то родное... всё-таки он священником долго был. Да где там! Он молча смотрел на меня, улыбаясь гнилыми зубами, вот тогда я и предложил ему, что смогу увеличить количество жертв! Согласился отступник, разрешив нам на этом немного заработать. Ходили к нему и раньше, намереваясь спасти свои жизни или жизни других, но все хотели спасения себе, а я... я сказал, что он может забрать меня, если захочет, но моя жизнь принесёт ему больше пользы и больше жертв. Думаю, все ему предлагали приводить людей на алтарь, но собой пожертвовать никто не хотел. Я первый, кто пришёл с такими словами, и он согласился на моё предложение. Теперь только я могу ходить сюда, не боясь умереть... ну, и Валик. Только, как он спасся – я не знаю. Наверное, тоже договорился о чём-то своём.

Рассказчик снова полез в карман, не нашёл там ничего и плюнул в могилу.

– Да, отца Василия действительно здесь закопали. Яма была очень глубокой – метров пять, не меньше. Не знаю, но думаю, что люди надеялись таким образом сделать ему преграду. Зомби не вылез, а вот призрак таких преград не признаёт. Пришлось мне долго копать, пока лопата не стукнула о черепушку отшельника. Гроб-то уже давно истлел, а Отец Василий лежит, как вчера схоронили. Правда не шевелится... Так что, не обманул я тебя – внизу он лежит, заваленный несколькими телами. Скажешь, что тебя будут искать? Полиция знает, но там у нас всё прикрыто. Деньги-то всем нужны... Вот и власти местные молчат, привлекая денежки в бюджет.

Он резко повернулся в сторону, подскочив на месте. Затем, перекрестившись посмотрел на меня. Снова плюнув, он отошёл в сторону, пропуская вперёд подошедшего отступника.

Василий держал в руке кадило, из которого распространился жёлтый дым. Привычных чёток в его руке не было.

– Нет спасения... – проговорил Сергей, снова намереваясь перекреститься. Махнув рукой, вспоминая что-то, он так и не завершил крестное знамение.

Голос, давно ставший знакомым, продолжил надоедливую фразу:

– ...для пришедших на алтарь. Их души пойдут в пищу Дьяволу, а тела на корм червям. И память о них развеет ветер. Тебя уже заждались твои друзья, и они спешат встречать

дорогого гостя.

Сверху на меня полетела щепоть земли, кинутая на прощание Сергием. Деревянная крышка опустилась на своё место, отрезая от стоящих наверху моё мычание и стоны. Я плакал от бессилия, понимая, что скоро замёрзну, и никто не найдёт моего тела. Только следующий, жаждущий остаться в живых, придёт сюда, чтоб открыть крышку и полететь сверху на то, что останется от Миши Сидорова.

Смех Сергия был последним, что я услышал перед погружением в тишину глубокой могилы.

Сергий сидел под дубом, прислонившись к нему спиной. Он снова похлопал себя по карманам, но через мгновение сплюнул в сердцах.

– Не оскверняй алтарь! – послышался голос отступника.

Сергий посмотрел на то место, куда недавно свалили ещё живого парня. Отец Василий продолжал стоять рядом, размахивая старым кадиллом, распространявшим на всю округу жёлтый едкий дым.

– Надо прикопать где-нибудь под деревом пачку сигарет, а то с этими туристами табачку не напасёшься. Отец Василий, а как ты понял, что я плюнул? Я же это тихо сделал.

Мёртвый священник молчал, продолжая понятный только ему ритуал. Сергей поднялся, стряхнул снег с фуфайки и штанов, при этом насвистывая похоронный марш. Он подошёл к лопате, служившей ему для уборки снега уже несколько лет, и шевельнул её носком валенка.

– Молчишь, отступник? Ну, как всегда... Я пойду, а то там ещё несколько групп приехать хотят, так надо наших контролировать. Ну, бывай, отец Василий.

Подняв лопату, Сергей направился по дорожке, недавно прокопанной Мишей. Он уже видел стоящую перед ним на столике рюмку крепкого напитка, положенного за удачный

исход дела. На мгновение остановившись, он посмотрел на отступника, направившегося и дубу.

– Отец Василий, а как ты можешь быть и духом бесплотным, и реально ходящим жутким чудиком? Знаю, снова не скажешь, но я должен был попытаться.

Он шёл привычной дорогой, раздумывая о параллельном существовании божественного и дьявольского. Лопата отправилась на прежнее место, намочив пол растаявшим снегом. В своей комнате Сергей открыл маленькую тайную дверцу в стене, скрывавшую от возможных посетителей его богатства. Среди старых икон и нескольких пачек денег, лежал современный смартфон, подмигивающий индикатором уведомлений.

«На завтра заказ машины. Четыре человека», – уведомил один из таксистов. – «Буду в районе 15-00»

– Снова валяться на полу, – рассмеялся Сергей, убирая телефон в тайник.

В магазине уже знали, что он вернулся, встречая своего «финансового гения» стопочкой местной выпивки. За окном шёл снег, скрывая следы проделанной сегодня работы. Это хорошо – значит завтра не придётся с самого утра бежать к дубу, чтоб скрыть отголоски сегодняшней работы. А завтра новые гости и новый день – бизнес живёт, питаюсь их смертью! Но это ничего, ведь всегда кто-то умирает, чтоб жили другие, а, значит, Глубокий Выгон просто вошёл в эту систему, и будет в ней пребывать до конца веков, пока хозяин не

призовёт отца Василия. Но до этого ещё далеко...

В качестве обложки использована фотография с сайта freeimages.com по лицензии CC0. Автор: alex ringer.